

СЕДЬМАЯ КНИГА

Люси Монтгомери

ЭННИ ИЗ ЭВОНЛИ

Энни

Люси Мод Монтгомери

Энни из Эвонли

«Седьмая книга»

1909

Монтгомери Л.

Энни из Эвонли / Л. Монтгомери — «Седьмая книга»,
1909 — (Энни)

Книги об Энни – настоящие пособия по оптимизму и силе духа! Ей только семнадцать, но она уже работает в школе Эвонли, где совсем еще недавно сама была ученицей. Старые и новые друзья, новый сосед с попугаем, ругающимся как матрос, близнецы, которых берет на воспитание Марилла – все эти люди делают жизнь Энни счастливой и радостной. История об умении довольствоваться малым, наслаждаться сегодняшним днем, радоваться простым вещам. Юмор – самая пикантная приправа на пиру существования. Смейтесь над своими ошибками, но и учитесь на них, делайте предметом шуток свои горести, но и черпайте в них силу, острите по поводу своих затруднений, но и преодолевайте их...

© Монтгомери Л., 1909

© Седьмая книга, 1909

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Люси Монтгомери

Энни из Эвонли

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

*Моей бывшей учительнице Хатти Гордон Смит,
в знак благодарной памяти за ее умение понять и ободрить*

Глава 1

Сердитый сосед

Высокая стройная девушка шестнадцати с половиной лет, с серьезными глазами, с каштановыми волосами, по крайней мере так определяли их цвет ее подружки, села на широкую ступеньку сложенной из красного песчаника лестницы сельского дома на острове Принца Эдуарда, и твердо вознамерилась одолеть изрядное количество строк из Вергилия и разобраться в их построении.

Августовский день клонился к вечеру, и его голубая дымка, обволакивавшая поля на склонах холмов, озорной шепот ветерка в тополиной листве, буйство маков на темном фоне стайки пихт, приткнувшихся в уголке вишневого сада, всё это располагало куда больше к мечтам, чем к занятию мертвыми языками. Вскоре Вергилий незаметно соскользнул на землю, а Энни, подперев руками подбородок и устремив взгляд на освещенные солнцем пушистые облака, которые, словно горы, громоздились как раз над домом мистера Харрисона, была в мыслях уже далеко отсюда, в приятном мире грез, где некая молодая учительница творила прямо-таки чудеса, выращивая из обыкновенных ребят будущих государственных мужей, зажигая огнем ребячьи головы и сердца, вселяя в них высокие и честолюбивые порывы.

Честно говоря, если спуститься с небес на землю, что, надо признать, Энни делала редко, да и то по необходимости, было не похоже, чтобы в школе этого Эвонли имелся богатый материал для выращивания знаменитостей. Однако разве можно наперед загадать, что может случиться, если учитель употребит во благо свое влияние на учеников? У Энни были кое-какие розоватые идеалы относительно того, чего может добиться учитель, если всё будет делать очень правильно. В своих мечтах Энни ушла уже лет на сорок вперед, и сейчас как раз переживала сцену, в которой принимала участие известнейшая личность.

Чем этот человек отличился, Энни еще не решила, но она была не прочь видеть в нем президента знаменитого колледжа или премьер-министра Канады. И вот этот человек сейчас склонился к ее морщинистой руке и клятвенно уверяет ее, что это именно она зажгла в нем искру честолюбия и что всеми своими успехами он обязан именно урокам, которые он когда-то давно получил от нее в школе Эвонли... Это приятное видение было нарушено самым неприятным образом.

По тропинке во двор вбежала спасающаяся от кого-то коровёнка джерсийской породы, а спустя несколько мгновений появился и мистер Харрисон если про то, как он влетел во двор, можно сказать «показался».

Он перемахнул через забор, словно калитки и не бывало, и сердито уставился на Энни. Та поднялась на ноги и в растерянности стала взирать на мистера Харрисона. Мистер Харрисон был их новым соседом справа. Энни ни разу не встречала его, только видела издали разок-другой.

В начале апреля, еще до того, как Энни приехала домой из Куинса, мистер Роберт Белл, чья ферма соседствовала с Катбертами, продал ее и перебрался в Шарлотт-таун. А купил ферму некто Джеймс Харрисон, о котором было известно лишь его имя и то, что он из Нью-Брунсвика. Но он и месяца не успел прожить в Эвонли, как успел завоевать репутацию странного человека «чудика», как назвала его миссис Рэйчел Линд. Многие из вас, кто успел с ней познакомиться, запомнят на всю жизнь, что миссис Рэйчел женщина весьма откровенная. Мистер Харрисон явно отличался от других людей, а этого, как известно, больше чем достаточно, чтобы прослыть чудаком.

Прежде всего, он жил сам по себе и во всеуслышание заявлял, что не потерпит в своем хозяйстве всяких глупостей вроде женщин. Женская часть Эвонли мстила ему тем, что стала

распускать про него всякие слухи один хлеще другого про то, как он ведет свое хозяйство, как готовит. А в помощники себе мистер Харрисон нанял Джона-Генри Картера из Белых Песков, и от Джона-Генри и пошли гулять первые рассказы. Начать с того, что у мистера Харрисона не было четко определенного времени для приема пищи, и мистер Харрисон перекусывал, как только проголодается, и ежели Джон-Генри в этот момент находился поблизости, то и ему перепадало, а вот если нет, то жди тогда Джон-Генри следующего приступа голода у мистера Харрисона. Джон-Генри разве что не рыдал, когда рассказывал, что давно умер бы с голоду, если бы не отправлялся по воскресеньям домой, и не отъедался там, и если бы мама не собирала ему поутру в понедельник корзину всевозможной еды.

Рассказывали и насчет того, как мистер Харрисон мыл посуду. Так вот эту посуду он никогда и не думал мыть, пока не выпадало дождливое воскресенье. Только тут он брался за эту работу. Он одним махом загружал всю посуду в одну бочку с дождевой водой, потом доставал и оставлял сохнуть.

Еще мистер Харрисон был «скупердяем». Когда ему предложили внести деньги на жалованье преподобному мистеру Аллену, он ответил, что еще посмотрит, насколько долларов можно оценить то добро, которое приносят ему проповеди священника, а кота в мешке он покупать не станет. А когда миссис Линд пошла к нему просить внести деньги на миссионерскую деятельность церкви и заодно случайно осмотрела его дом изнутри, он сказал ей, что сплетни эвонлийских старух отдают таким язычеством, какого нет нигде, и он с радостью отдал бы деньги на их обращение в христианство, если бы миссис Линд занялась этим делом. Миссис Рэйчел ушла и потом говорила, что бедная миссис Белл, слава Богу, не видит из своей могилки, во что превратился теперь ее дом, которым она когда-то так гордилась, иначе у нее не выдержало бы сердце.

«Ой, что вы! Она же через день скоблила пол на кухне!» – с возмущением говорила миссис Линд Марилле Катберт. «А посмотрели бы вы сейчас! Мне пришлось поднимать подол, чтобы не запачкаться там!»

И в довершение всего мистер Харрисон приобрел попугая по кличке «Рыжий». Прежде никто в Эвонли никогда не держал ни одного попугая, и посему такой поступок никак нельзя было назвать благопристойным. А попугай был тот еще! Если верить тому же Джону-Генри, то в мире не было другой такой непристойной птицы. Как же он ругался! Миссис Картер не задумываясь забрала бы Джона-Генри из этого дома, будь уверена, что подыщет ему другое место. К тому же Рыжий однажды так долбанул Джона-Генри в затылок, когда тот остановился слишком близко под клеткой! Миссис Картер всем и каждому показывала отметину на затылке бедняги Джона-Генри, когда тот по воскресеньям приходил домой...

Все эти события промелькнули в голове Энни, когда перед ней очутился мистер Харрисон, лишившийся от гнева дара речи. Даже когда мистер Харрисон находился в более дружеском расположении духа, то и тогда его никак нельзя было бы назвать красавцем: коротенький, толстый, лысый. Теперь же, когда его круглая физиономия покраснела от гнева, а и без того выпуклые голубые глаза готовы были выпасть из орбит, Энни подумалось, что большей страholюдины она в жизни не видывала.

И тут вдруг к мистеру Харрисону вернулся дар речи.

– Сколько ж можно терпеть такое! – взорвался он. – Все, это в последний раз! Вы слышите, мисс? Хорошенько дело, это уже третий раз! Сколько же можно терпеть, мисс! Предупреждал же вашу тетку, чтоб этого больше не было и вот нате, снова... Интересно, чего она добивается?! Вот за этим я и пришел, это я и хочу знать, мисс!

– Вы не смогли бы объяснить, чем вы так встревожены? – спросила Энни самым мирным тоном. Такой тон она хорошо поставила в последнее время, в школа он пригодится. Но на рассерженного мистера Харрисона он не возымел никакого воздействия.

– Ничего себе «встревожен»! Хорошенько дело! Господи, мисс, я уже в третий раз вижу вашу корову в моем овсе. И в последний раз это было полчаса назад. Заметьте себе: в третий раз! Она и во вторник пожаловала, и вчера. Я приходил уже сюда и предупреждал вашу тетку, чтобы больше и духу ее не было тут, вашей коровы. Не помогло. Кстати, где она в данный момент, ваша тетка? Я просто хочу посмотреть ей в глаза и сказать, что о ней думает мистер Харрисон. Вы меня понимаете, мисс?

– Если вы имеете в виду мисс Мариллу Катберт, то она мне не тетя и она уехала в Восточный Графтон навестить захворавшего дальнего родственника, – с достоинством, чеканя каждое слово, произнесла Энни. – Мне очень жаль, что моя корова вторглась в ваш овес. Корова в действительности принадлежит мне, а не мисс Катберт. Мэтью дал мне ее три года назад, когда она была теленочком, а купил он ее у мистера Белла.

– Ах, вам очень жаль, мисс! Вашим «очень жаль» сыт не будешь. Вы бы лучше пошли да посмотрели, что наделала эта скотина! Она же его весь повытоптала – и в середине, и по краям!

– Мне очень жаль, – твердо повторила Энни. – Но, возможно, если бы вы содержали свою ограду в порядке, то Долли не зашла бы в овес. Ограда между нашим пастбищем и вашим овсом находится в вашем ведении, а я и раньше замечала, что она находится не в лучшем состоянии.

– С моей оградой все в порядке! – выпалил мистер Харрисон еще более раздраженно. За все время ведения им боевых действий на территории противника это была пока что самая сильная вспышка агрессивности. Вашу чертову скотину тюремная стена не удержит, не то что обычная ограда! Я вот что скажу вам, рыжик вы этакий: если это действительно ваша корова, то вы лучше бы приглядывали за ней, чтобы она не шлялась по чужим полям, а не сидели бы тут и читали ваши романчики в желтых обложечках, – закончил мистер Харрисон, бросив косой взгляд на лежавший у ног Энни томик Вергилия в невинном коричневатом переплете.

Энни всегда болезненно воспринимала упоминание о том, что у нее рыжие волосы, и она вспыхнула.

– Лучше рыжие, чем никакие, кроме нескольких волосинок за ушами, – отрезала Энни.

Выстрел попал в цель, ибо мистер Харрисон чувствовал себя уязвленным, когда говорили о его лысине. От гнева он снова лишился дара речи и лишь беззвучно вперился взглядом в Энни. Энни умерила свой гнев и продолжила наращивать преимущество в поединке.

– Так и быть, пойду вам навстречу, мистер Харрисон, потому что у меня есть воображение, и я могу себе представить, как это неприятно застать чужую корову в собственном овсе, и я не буду держать на вас зуб за всё вами сказанное. Обещаю вам, что Долли больше никогда не вторгнется в ваш овес. Насчет этого, – Энни подчеркнула последнее слово, – я даю вам честное слово.

– Ладно, только глядите, чтобы она больше ни-ни, – пробормотал мистер Харрисон несколько приглушенно, но по тому, как он повернулся и пошел, видно было, что он кипит от гнева. Энни слышала его неразборчивое бормотанье, пока он не скрылся с глаз.

В расстроенных чувствах Энни пересекла двор и загнала своенравную корову в ее загон.

«Вряд ли она вырвется отсюда, – размышляла Энни. – Разве что забор повалит. Но сейчас она кажется довольно спокойной. Плохо бы ей не стало от этого овса. Эх, мистер Ширер просил же меня на прошлой неделе продать ему эту корову. Зря не продала. Хотела дождаться аукциона и продать всех скопом. А все-таки мистер Харрисон действительно чудаковатый. Нет, это не родственная душа, это точно». Энни всегда старалась найти в людях «родство душ».

Как раз когда Энни возвращалась в дом, во двор въехала Марилла Катберт, и Энни поспешила приготовить чай. За чаем они и обсудили дела.

– Скорей бы аукцион, – сказала Марилла. –хлопотное это дело иметь столько скотины, а смотреть за ней некому, кроме как Мартину, на которого особо не понадеешься. Он так и не появился еще, а обещал. Я отпустила его на день, на похороны тетки, он пообещал, что

обязательно вернется вовремя. А его всё нет. Не знаю, сколько у него этих теток. Он у меня работает с прошлого года, и за это время у него уже четвертая тетка умирает. Поскорее бы созрел урожай, тогда делами фермы займется мистер Барри. А Долли, пока не вернется Мартин, придется держать в загоне. Разве что ее перевести на заднее пастбище. Но там ограду надо подремонтировать. Как говорит Рэйчел, мы живем в мире сплошных проблем. Сейчас бедная Мэри Кит при смерти, а у нее двое детей, вот и представь, что с ними делать. Брат у нее есть, он в Британской Колумбии. Она ему пишет, что, мол, так-то и так, дети и так далее. А от него ни слуху ни духу до сих пор.

– А что у нее за дети? Сколько им?

– Шесть с чем-то... Двойняшки.

– Ой, я так люблю близнецов, двойняшек! Особенно после того, как они пошли у миссис Хэммонд! – с жаром воскликнула Энни. – Они хорошенькие?

– Куда там! Это были такие грязнули. Дэви, бывало, делает куличики из грязи, а Дора выйдет позвать его домой. Так вот Дэви раз и головой ее в самый большой кулич. Та в крик. А он, чтобы показать, что, мол, ничего тут такого нет, чтобы плакать, и сам головой в грязь. Весь вымажется! Мэри говорила, что Дора действительно очень хорошая девочка, но этот Дэви такой озорной мальчишка. Что ж, отец умер, когда он был совсем маленьким, а Мэри больна, почти с тех пор. Откуда же ему взять воспитание?

– Мне всегда жалко детишек, которые лишены воспитания, – грустно произнесла Энни. – Ведь и у меня было то же самое, пока ты не взяла меня. Я думаю, их дядя приглядит за ними. А в каких вы родственных отношениях с миссис Кит?

– С Мэри-то? Да ни в каких. С мужем ее да. Он мне... четвероюродный брат... А вон миссис Линд идет. Вот с ней-то и можно поговорить о Мэри.

– Ой, только не говори ей о мистере Харрисоне и корове, – взмолилась Энни.

Марилла пообещала не говорить, но необходимости в таком обещании не оказалось, поскольку миссис Линд, не успев сесть, сказала:

– Я видела, как мистер Харрисон выгонял вашу корову из своего овса, когда шла домой из Кармоди. Мне кажется, он одурел от гнева. Представляю, что он тут наговорил.

Энни и Марилла с улыбкой переглянулись. Да разве в Эвонли что-нибудь произойдет незамеченным со стороны миссис Линд? Не далее как сегодня утром Энни сказала: «Если вы пришли домой среди ночи, заперлись, опустили ставни и после этого чихнули, на следующий день миссис Линд спросит вас, где это вы так простудились».

– Да уж наговорил, я думаю, – согласилась Марилла. – Меня-то не было. Энни пришлось всё выслушивать.

– С ним, по-моему, очень тяжело разговаривать, – сказала Энни, недовольно тряхнув своей рыжей головой.

– О, ты в жизни никогда не была так близка к истине, как сейчас, – с пафосом произнесла миссис Линд. – Я была на все сто уверена, что мы хватим лиха, после того как Роберт Белл продал свою ферму этому типу из Нью-Брунсвика, это уж точно. Уж и не знаю, что теперь будет с Эвонли, когда сюда лезут толпы чужих. Скоро будет страшно спать в собственной постели.

– А какие тут еще чужие у нас? – удивилась Марилла.

– А вы что, не слышали? Тут еще, прежде всего, семейка Доннеллов. Они сняли эту халупу у Питера Слоуна. Питер нанял человека, чтобы тот занимался его мельницей. Эти типы живут где-то в восточной стороне, и никто про них слухом не слыхивал. А тут еще это дурацкое семейство Тимоти Коттона из Белых Песков. От них мы тоже натерпимся. Он, когда не занят воровством, страдает от туберкулеза. И жена у него тоже болезненная, руками еле шевелит. Посуду моет и то сидя. Жена Джорджа Пая взяла на воспитание племянника своего мужа. Он сирота, зовут его Энтони Пай. Будет ходить к тебе в школу, Энни, так что жди неприятностей.

И еще один занятный ученичок у тебя будет. Из Штатов приезжает Пол Ирвинг, будет жить у бабушки. Марилла, ты же помнишь его папашу – Стивена Ирвинга, он еще Лаванду Льюис из Графтона бросил.

– Я не думаю, что бросил. Они просто поссорились, там оба были виноваты.

– Не важно. В общем, он не женился на ней, а у нее с тех пор все комом пошло, так и живет она одна в своем каменном доме, который называет «обитель эха». А Стивен уехал в Штаты, вместе с дядей занялся бизнесом, женился на какой-то янки. С тех пор так и не приезжал домой. Правда, мать разок-другой ездила к нему. Жена у него умерла, года два как, и вот он посылает мальчишку на время к бабушке. Ему десять лет. Я не уверена, что это будет подарок, за этих янки разве можно поручиться?

На всех, кто не родился или не вырос на островах Принца Эдуарда, миссис Линд смотрела как на людей, из которых не может выйти ничего путного. Они, конечно, вполне могут оказаться приличными людьми, но для верности лучше в этом усомниться. Особенно сильные предубеждения она имела против «янки».

Однажды, когда ее муж работал в Бостоне, хозяин обсчитал его на десяток долларов, и после этого никакими силами нельзя было переубедить миссис Рэйчел, что виноваты в этом не все Соединенные Штаты.

– Школа в Эвонли не самое плохое место для этого мальчугана, спокойно заметила Марилла, и, если он хоть чем-то похож на своего отца, с ним все будет в порядке. Стив Ирвинг был самым очаровательным мальчиком из выросших в этих местах, хотя некоторые и считали его заносчивым. Надо думать, миссис Ирвинг с радостью примет ребенка. После смерти мужа ей очень одиноко.

– Ну, может, мальчик и ничего, но он не такой, как местные детишки, – заявила миссис Рэйчел тоном, не терпящим возражений. Свои суждения о людях, местах или вещах миссис Рэйчел выносила с таким видом, словно прилагала к ним гарантию качества. – А что это, Энни, за общество, я слышала, ты собираешься создать? Что-то по преобразованию?..

– Я только поговорила об этом с мальчиками и девочками на последней встрече нашего дискуссионного клуба, – сказала Энни, вспыхнув. – Им эта идея понравилась. Мистеру и миссис Аллен тоже. Это уже во многих населенных пунктах есть.

– Ничего ты не добьешься. Начнешь и не кончишь. Брось ты это лучше, Энни. Люди не любят, когда их «преобразовывают».

– Да нет, мы не собираемся пытаться преобразовывать людей, – подчеркнула Энни последнее слово. – Речь идет о самом Эвонли. Здесь столько всяких дел, совершив которые, мы сделаем всем лучше. Вот, например, если бы мы смогли убедить мистера Леви Бултера снести этот уродливый старый дом на верхней ферме, разве это не было бы преобразованием?

– Конечно, было бы, – согласилась миссис Рэйчел. – Эта развалина уже столько лет как бельмо на глазу у всех нас. Но если вашим преобразователям удастся убедить Леви Бултера сделать что-нибудь для общества, не получив за это денег, то я хотела бы попристутствовать при этом событии. Не хочется обескураживать тебя, Энни, потому что это в некотором роде твоя идея, хотя я и считаю, что ты подцепила эту штуку в каком-нибудь паршивом журнальчике у этих янки, но ведь у тебя в школе будет уйма дел, так что я дружески советую тебе бросить это преобразовальство, вот. Но ты такая, что если тебе что запало в голову, не свернешь. Ты всегда была упрямая.

Твердо сжатые губы Энни говорили, что миссис Рэйчел была недалеко от истины. Идея создания «Общества преобразования Эвонли» запала глубоко в ее сердце. Гилберт Блайд, который будет преподавать в Белых Песках, но с вечера пятницы до утра понедельника будет находиться в Эвонли, горячо поддерживал эту идею. Большинство других молодых людей готовы были участвовать во всем, что позволяло бы им время от времени встречаться и весе-

литься. Что же касается «преобразований», то ни у кого не было достаточно ясных представлений об этом предмете, если не считать Энни и Гилберта. Они столько говорили об этом и строили такие планы, что в их головах уже существовало представление об идеальном Эвонли.

У миссис Рэйчел новости еще не были исчерпаны.

– Школу в Кармоди отдали Присцилле Грант. Ты в Куинсе не ходила в школу с девочкой по имени Присцилла Грант, Энни?

– Да, конечно! Присцилла будет преподавать в Кармоди? Как же это здорово! – радостно воскликнула Энни, и ее серые глаза заблестели, как вечерние звезды, и миссис Линд снова задалась вопросом: решит она, наконец, к своему удовлетворению эту дилемму действительно ли Энни Ширли красивая девушка или нет?

Глава 2

Вмиг продать – год каяться

На следующий день Энни поехала в Кармоди за покупками и прихватила с собой Диану Барри. Диана была, разумеется, членом общества преобразования, и девушки всю дорогу туда и обратно почти ни о чем другом и не говорили.

– Самое первое, что нам надо сделать, когда мы начнем действовать, это покрасить этот дом, сказала Диана, когда они проезжали мимо здания магистрата, довольно неприглядного сооружения, построенного в лесистой ложбине, и со всех сторон закрывали ели. Как же он портит вид. Нам надо будет взяться за него еще до того, как мы попытаемся склонить мистера Леви Бултера снести тот свой дом. Отец говорит, что с Бултером у нас ничего не получится: Леви Бултер он всё считает, ему будет жалко тратить время на это дело.

– А может, он позволит ребятам снести свой дом, если те пообещают ему стащить в одно место все доски и расколоть их на дрова? – с надеждой в голосе произнесла Энни. – Нам надо стараться довольствоваться поначалу малым.

– Сразу всё не улучшишь. Нам надо, конечно, поначалу подготовить, воспитать общественное мнение.

Диана не совсем отчетливо представляла себе, о чем это говорит Энни, но звучало это вполне солидно, и Диана почувствовала гордость, что принадлежит к обществу, которое ставит перед собой столь высокие цели.

– Прошлой ночью я всё думала, что бы нам сделать, Энни. Ты знаешь место, где сходятся три дороги из Кармоди, Ньюбриджа и Белых Песков? Там всё заросло молодыми елками. А не лучше бы было убрать их все и оставить лишь две-три березки, которые там растут?

– Отлично, – обрадованно согласилась Энни. – А под березками поставить скамеечки, как в деревнях. А по весне еще и клумбу сделать и посадить там герань.

– Да, только надо будет что-то придумать, как отвадить оттуда корову этой старушки миссис Хайрем Слоун, иначе эта корова слопает всю герань, – со смехом произнесла Диана. – Я начинаю понимать, что ты имеешь в виду под воспитанием общественного мнения, Энни. А теперь насчет старого дома Бултера. Второго такого страшного не сыщешь. Да еще и у самой дороги. Когда я вижу старый дом без стекол, мне кажется, что оттуда смотрит смерть.

– А я, знаешь, смотрю на старый заброшенный дом чуть иначе, – мечтательно произнесла Энни. – Мне кажется, что он стоит и думает о своем прошлом и тоскует по старым временам. Марилла говорит, что давным-давно в этом старом доме жила большая семья и что это было очаровательнейшее место с прекрасным садом, а дом утопал в розах. Там было полно детей, смеха и песен. А теперь он пуст, один только ветер заглядывает. Как же ему должно быть одиноко и печально! Может, они приходят сюда в лунные ночи духи этих когда-то детей, роз и песен. И на короткое время этот старый дом чувствует себя снова молодым и радостным.

Диана покачала головой.

– Нет, я теперь и думать так не могу о каком-нибудь доме или любом другом месте, Энни. Помнишь, как моя мама и твоя Марилла рассердились на нас, когда мы сказали про Духову рощу, что видели там привидения? Так я до сих пор не могу без страха пройти мимо нее в темное время. А если я начну воображать такое и про дом Бултера, то и мимо него не смогу проходить спокойно. К тому же эти самые дети совсем не покойники. Они выросли и неплохо живут. Один из них мясник. А уж цветы и песни никак не могут быть привидениями.

Энни незаметно вздохнула. Она очень любила Диану, и они всегда были близкими подружками. Но Энни давно поняла, что в путешествие по миру фантазии ей лучше отправляться одной. По этой волшебной тропе не сможет последовать за ней даже ее лучшая подруга.

Когда подружки оказались в Кармоди, разразилась гроза, но ливень был недолгим, и дорога домой оказалась весьма приятной. На ветках и листве деревьев по обеим сторонам дороги блестели капельки воды, а в маленьких залесенных долинах влажные листья папоротника издавали острый аромат. Но стоило им свернуть на дорогу к ферме Катбертов, как все очарование ландшафта оказалось для Энни испорченным.

Справа перед ними простиралось обширное серо-зеленое овсяное поле мистера Харрисона, политое, сочное, а прямо посреди него, наполовину скрытая сочной растительностью, сверкала своими лоснящимися боками и хлопала глазищами, глядя на приближающихся подруг сквозь кисточки овса, та же самая корова!

Энни выпустила поводья и привстала в коляске. Губы ее сжались, а это не предвещало добра четырехногому хищнику. Не издав ни звука, она проворно соскочила с повозки и в считанные мгновения была по ту сторону ограды. Диана и понять не успела, что происходит.

– Энни, вернись! – закричала Диана, обретя дар речи. – Ты же испортишь платье, там такая сырость! Господи, она меня и не слышит. Нет, одна она с этой коровой не справится. Придется помогать, ничего не поделаешь.

Энни неслась по полю как угорелая. Диана прыгнула на землю, крепко привязала лошадь, высоко подобрала свою красивую юбку, перелезла через ограду и пустилась вслед за своей обезумевшей подругой. Она бежала быстрее Энни, юбка которой быстро намочила и связывала ее движения, и скоро догнала ее. За собой они оставляли в овсе такой след, что мистер Харрисон обмер бы на месте, доведись ему увидеть эту картину.

– Энни, ради всего святого, остановись! – задыхаясь прокричала Диана. – Я больше не могу, а ты промокла до нитки!

– Я должна... остановить... эту корову... пока мистер... Харрисон... не увидел ее, хватая ртом воздух, выдавливая из себя Энни. Пусть... со мной... будет... что будет... лишь бы... выгнать ее.

Но корова была вовсе не расположена к тому, чтобы ее изгоняли с этого лакомого кусочка земли. Не успели обессилевшие девушки подбежать к ней, как она кинулась от них в противоположный угол поля.

– Наперерез ей, Диана! – взвизгнула Энни. – Быстрее, быстрее!

Диана бросилась наперерез. Энни тоже было попыталась, но хитрая корова пошла кругом по полю, словно одержимая бесом. Диане так оно и показалось. Минут десять гонялись они за коровой, прежде чем смогли прогнать ее с поля на дорогу.

Нечего и говорить, что Энни находилась в этот момент далеко не в ангельском расположении духа, а появление на дороге кабриолета, в котором сидели мистер Ширер со своим сыном, отнюдь не успокоило ее. Повозка остановилась, оба расплылись в широкой улыбке.

– Думаю, все-таки надо было вам продать мне эту корову, когда я спрашивал у вас на прошлой неделе, Энни, – со смехом произнес мистер Ширер.

– Да я ее хоть сейчас продам, если хотите, – заявила раскрасневшаяся, взъерошенная хозяйка коровы. – Сейчас, тут же.

– Заметано. Даю вам за нее двадцать долларов, как и предлагал, а Джим переправит ее с оказией в Кармоди этим же вечером. Мистеру Риду из Брайтона очень нужна «джерси».

Пять минут спустя Джим Ширер уже уводил корову, а Энни с двадцатью долларами в кармане ехала по дороге, ведущей в Зеленые Крыши.

– А Марилла что скажет? – поинтересовалась Диана.

– А что ей до этого? Это моя собственная корова, к тому же и на аукционе за нее больше двадцати долларов не дадут. Но вот мистер Харрисон если он увидит свое поле, то поймет, что она там снова побывала, а ведь я дала ему честное слово, что этого больше не повторится! Ну что ж, пусть это мне будет уроком, чтобы я больше никогда не давала честное слово за коров. Корове, которая может перепрыгнуть или сломать нашу ограду, нельзя верить.

Мариллы не было, она ушла к миссис Линд, а когда вернулась, уже знала, что Долли продана, потому что миссис Линд видела заключение сделки из своего окна, а остальное додумала.

– Ну и хорошо, что ее не стало, хотя ты, Энни, иногда и поступаешь весьма опрометчиво. Ты знаешь, я ей-богу не могу понять, как она выскочила из загона. Разве что проломил доски?

– Мне пока что было не до осмотра загона, но теперь я пойду посмотрю, – сказала Энни. – А Мартин так и не появлялся. Возможно, умерло еще несколько тетушек. Это напоминает мне историю про мистера Питера Слоуна и октогенариев.¹ Как-то вечером миссис Слоун читает газету и говорит мистеру Слоуну: «Я прочла, что еще один октогенарий умер. Питер, а кто это такие – октогенарии?» А мистер Слоун говорит, что не знает, но думает, что это очень болезненные создания, потому что о них ничего другого не услышишь, кроме как что они умерли. Вот так и с тетушками Мартина.

– Этот Мартин он как и все прочие французы, – с отвращением произнесла Марилла. – На них ни на минуту нельзя положиться.

Марилла осматривала покупки, сделанные Энни, когда со двора донесся пронзительный крик. Вскоре в кухню влетела Энни.

– Энни Ширли, ну что там еще?

– Ой, Марилла, ну что мне с собой делать?! – простонала Энни, заламывая руки. – Это ужасно! И всё я, я! Научусь я, наконец, когда-нибудь думать, прежде чем сделать какую-то глупость? Миссис Линд сколько говорит мне, что я когда-нибудь совершу что-то ужасное. Ну так вот я совершила это!

– Энни, не знаешь, чего от тебя ожидать, честное слово! Так что ты там натворила?

– Продала корову мистера Харрисона! У него тоже «джерси», он купил ее у мистера Белла! И я продала его корову мистеру Ширеру! А Долли в данный момент там, в нашем загончике!

– Энни Ширли, ты что, как во сне бредишь.

– Если бы! Если и сон, то кошмарный. А корова мистера Харрисона к этому времени в Шарлотт-тауне! Ох, Марилла, я так и знала, что когда-нибудь влезу в такую неприятность, и вот пожалуйста! В жизни такого не было. Что делать?

– А что тут делать? Иного не придумаешь: идти к мистеру Харрисону и объяснить ему всё. Мы можем предложить ему нашу «джерси», если он не захочет взять деньги. Наша корова не хуже его.

– Я уверена, он так разозлится, его не уговоришь, – со стоном произнесла Энни.

– Смею уверить тебя еще как. Он, по-моему, достаточно скандальный тип. Если хочешь, я пойду и объясню ему всё.

– Нет уж, нечего взваливать на других! – воскликнула Энни. – Я натворила – я и отвечу за себя. Я сама пойду, и немедленно. Поскорее покончить с этим, а то это будет висеть на нас.

Бедная Энни взяла свою шляпку и двадцать долларов и уже собралась выйти, когда ее взгляд через открытую дверь кухни упал на стол, где стоял ореховый пирог, который Энни испекла этим утром исключительно вкусная штука, сверху украшенная розовой глазурью и грецким орехом. Энни приготовила это к вечеру пятницы, когда молодежь Эвонли собиралась встретиться в Зеленых Крышах для создания своего «Общества преобразования Эвонли». Но есть обиженный мистер Харрисон, и эта задача сейчас важнее. Энни посчитала, что пирог умаслит любого мужчину, особенно того, который сам себе готовит. Энни быстро уложила пирог в коробку. Она предложит его мистеру Харрисону в качестве предложения о мире.

«Вот так. Если бы он дал мне еще возможность сказать пару слов, грустно размышляла Энни, перелезая через ограду и намереваясь срезать путь по полям, залитым мечтательным

¹ Octogenarian слово греческих корней, означающее в возвышенном английском «восемьдесятiletний(ая)» (здесь и далее примеч. пер.).

золотистым светом августовского вечера. Теперь я знаю, что чувствуют люди, которых ведут на казнь».

Глава 3

Мистер Харрисон в доме

У мистера Харрисона был дом давней постройки, побеленный снаружи, с низко свешивающимися краями крыши. Фоном служила роща толстых елей.

Сам мистер Харрисон сидел на заросшей виноградом тенистой веранде в рубашке с короткими рукавами и с удовольствием потягивал вечернюю трубку. Когда он разобрал, кто это приближается по тропе, ведущей к его дому, то вскочил и бросился в дом, захлопнув дверь. Он сделал это просто от неожиданности, и еще сюда примешивался стыд за ту вспышку гнева, которую он позволил себе накануне. Однако ему удалось тем самым лишить Энни последних остатков смелости.

«Если он сейчас такой злой, что же с ним будет, когда он услышит, что я наделала?» – с несчастным видом думала Энни, стучась в дверь.

Но мистер Харрисон открыл ей дверь с застенчивой улыбкой и очень по-дружески, хотя и заметно нервничая, и пригласил ее в дом. Трубка лежала в стороне, и мистер Харрисон успел надеть пиджак. С исключительной любезностью он предложил Энни довольно пыльный стул. Прием прошел в общем не без приятности, если не считать болтливую попугая, палившего на Энни свои умные золотистые глаза из-за решеток клетки. Не успела Энни сесть, как Рыжий воскликнул:

– Хорошенькое дело! Чего это сюда несет этого рыжика?

В этот момент трудно было сказать, кто больше покраснел мистер Харрисон или Энни.

– Не обращайтесь вы внимания на попугая, – произнес мистер Харрисон, бросив сердитый взгляд на Рыжего. – Он... он вечно городит чепуху. Я взял его у брата, а тот был моряком. А у моряков не самый чистый язык, а попугаи очень здорово умеют подражать.

– Я так и подумала, – пролепетала бедняжка Энни. Она помнила, с чем пришла сюда, и это не давало выплеснуться ее возмущению. Если ты только что продала корову этого человека, без его ведома и согласия, то разве можно ждать от его попугая комплиментов? Впрочем, «рыжик» сегодня вовсе не собирался быть слишком уж кротким, как в другие времена.

– Я пришла признаться вам кое в чем, мистер Харрисон, – решительно начала Энни. – Я... я насчет... этой коровы.

– Хорошенькое дело! – нервно воскликнул мистер Харрисон. – Что, она опять забралась в мой овес? Впрочем, ладно, ничего, не переживайте. Все равно уж... Не важно... Я... я вчера погорячился. Что ж, было дело. Ничего, залезла и залезла...

– О, если бы только это, – вздохнула Энни. – В десять раз хуже. Я даже не знаю...

– Вот это да! Неужели вы хотите сказать, что она забралась в пшеницу?

– Да нет... нет... не в пшеницу, а...

– Куда же? В капусту? Залезла в капусту, которую я растил на выставку?!

– Не капуста тут, мистер Харрисон. Я вам все расскажу по порядку. Я за этим и пришла. Только, пожалуйста, не перебивайте меня. Я так нервничаю. Разрешите мне рассказать все по порядку и не перебивайте меня, а потом уж вы мне всё выговорите, я не сомневаюсь, – закончила Энни вступление.

– Слова больше не скажу, – пообещал мистер Харрисон, и он действительно сдержал свое слово. Но Рыжий не был связан обетом молчания и то и дело издевался над Энни: рыжик да рыжик. Чем в конце концов разозлил Энни.

– Свою Долли я заперла в загончике, вчера же. Этим утром я поехала в Кармоди. И вот, возвращаясь назад и вижу «джерси» в вашем овсе. Мы с Дианой бросились выгонять ее, и вы не

представляете, какого труда нам это стоило. Я вымокла до нитки, вымоталась, так разозлилась, а тут как раз очутился мистер Ширер и предложил купить у меня корову. Я тут же продала ее за двадцать долларов. И крепко ошиблась. Надо было, конечно, подождать и посоветоваться с Мариллой. Но такая уж я вначале делаю, потом думаю. Да это вам любой скажет, кто знает меня. Да, и мистер Ширер тут же забрал корову, чтобы погрузить на дневной поезд.

– Рыжик, рыжик, – пробормотал попугай тоном, полным презрения.

Тут мистер Харрисон встал и с таким выражением лица, которое нагнало бы страх на любую птицу, не то что попугая, схватил клетку с попугаем и отнес ее в соседнюю комнату. Рыжий орал, ругался и вообще вел себя в соответствии со своей репутацией, но, оказавшись в полном одиночестве, сразу обиделся и замолк.

– Извините меня, продолжайте, – сказал мистер Харрисон, снова садясь на свое место. – Брат, моряк, он никогда не учил птицу хорошим манерам.

– Ну так вот. Иду я после чая в загончик. И что я вижу, мистер Харрисон...

– Энни вся подалась вперед и по детской привычке сжала перед собой ладони, а ее большие серые глаза испытующе впились в обеспокоенное лицо мистера Харрисона. – Стоит моя корова в своем загончике. Это я вашу корову продала, мистер Харрисон.

– Хорошенькое дело! – воскликнул мистер Харрисон, изумленный, не зная, что делать. – Вот это случай, нарочно не придумаешь!

– Ой, это еще что! Мне еще не так достанется от своей неразумности. Да и другим тоже, печально произнесла Энни. Так уж мне на роду написано. Со стороны можно подумать, что я уже большая. Мне же в марте следующего года стукнет семнадцать. Разве подумаешь? Мистер Харрисон, у меня слишком мало надежды на то, что вы меня простите, правда? Боюсь, уже поздно возвращать вашу корову, но вот деньги за нее или можете взять мою вместо своей. Она очень хорошая корова. Не могу выразить словами, как я переживаю за всё это.

– Это надо же, – с живостью заговорил мистер Харрисон. – Всё, больше ни слова об этом, мисс. Ничего страшного, абсолютно. Всякое случается. Я сам иногда очень порывист, мисс, больше чем надо. Но я не могу не высказать того, что думаю, и пусть люди принимают меня таким, какой я есть. Раз эта корова была в моей капусте... ну не в капусте... В общем, ладно, я возьму вашу корову взамен, раз вы хотели от нее избавиться.

– О, благодарю вас, мистер Харрисон. Я так рада, что вы не рассердились. Я так боялась этого.

– А я представляю, как вы были напуганы до смерти, небось, когда шли сюда. Да еще после вчерашнего шума, который я устроил вам. Но вы не обращайтесь на меня внимания. Я жутко откровенный старик, да-а... Меня так и тянет сказать правду, хоть она и на поверхности...

– И миссис Линд тоже, вырвалось у Энни. Она хотела прикусить язык, но не успела.

– Кто? Миссис Линд? Только не говорите мне, что я похож на эту старую сплетницу! раздраженно запротестовал мистер Харрисон. Да ничего общего! А что у вас в этой коробке?

– Пирог, – не без игривости сообщила Энни. Она почувствовала облегчение от дружелюбного настроения мистера Харрисона, и ее настроение от этого резко поднялось вверх, как легкая пушинка. – Я принесла это вам. Я подумала, что вы не так часто едите пирог.

– Вы правы. К тому же я очень люблю пироги. Весьма вам обязан. Какой красивый сна-ружи. Думаю, он и внутри не хуже.

– Да-да, – радостно согласилась Энни. – Раньше я делала пироги, которые, как бы выразилась миссис Аллен, были «не того». Но этот вполне удался. Я сделала его к встрече «Общества преобразования», но я успею сделать для них новый.

– Хорошо, мисс, но вы должны мне составить компанию. Сейчас я поставлю чайник, и мы выпьем по чашечке чая. Вы согласны?

– Только позвольте чай сделать мне, – попросила Энни, не уверенная, что ей разрешат.

Мистер Харрисон расплылся в улыбке.

– Я вижу, вы не очень доверяете моим чайным способностям. Ошибаетесь. Я могу приготовить тот еще чаек. Ну да ладно, сделайте вы. К счастью, в воскресенье шел дождь, так что чистой посуды сейчас навалом.

Энни быстро соскочила со стула и принялась за работу. Она ополоснула чайник в нескольких водах, прежде чем заварить чай. Затем она растопила печку и стала накрывать стол. Она принесла тарелки из помещения для кухонной утвари. Вид этого помещения привел Энни в состояние ужаса, но она разумно промолчала. Мистер Харрисон подсказал ей, где взять хлеб, сливочное масло и банку консервированных персиков. Энни украсила стол букетом цветов, которые она нарвала в саду, и закрыла глаза на пятнышки, имевшиеся на скатерти. Скоро чай заварился, Энни села напротив мистера Харрисона за его стол, стала наливать ему чаю и завела свободный разговор о школе, друзьях и своих планах. Энни не верила происходящему.

Мистер Харрисон принес Рыжего обратно, объяснив при этом Энни, что бедная птица будет страдать от одиночества, а Энни, готовая теперь простить всех и вся, предложила попугаю кусочек грецкого ореха. Но Рыжий чувствовал себя оскорбленным и отверг поползновения Энни сдружиться. Он с недовольным видом примостился на жердочке и нахохлился, превратившись в зелено-золотой шарик.

– А почему вы его так зовете? – спросила Энни, которая интересовалась собственными именами и находила, что этот попугай при его оперении заслуживал имени и получше.

– Мой брат-моряк назвал так его. Может быть, из-за темперамента попугая. Я много думаю об этой птице вы будете удивлены, если узнаете, как много. У него есть, конечно, свои недостатки. Так или иначе, мне эта птица кое-чего стоила. Многим не нравится, что он ругается, но его уж не переделаешь. Я пытался... И до меня пытались. А у некоторых вообще предубеждение против попугаев. Странно, правда? А я их люблю. Рыжий это моя основная компания. Ничто меня не заставит расстаться с этой птицей. Ничто в мире, мисс.

Мистер Харрисон выдал последнюю фразу с такой экспрессией, словно заподозрил Энни в том, что она собирается убедить его расстаться с птицей. Тем временем этот странный, шумный, суматошный человек начинал нравиться Энни, и еще до окончания трапезы они уже стали почти что хорошими друзьями. Энни рассказала ему об «Обществе преобразования», а мистер Харрисон готов был поддержать его.

– Все правильно. Продолжайте. В этой деревне много места для такой деятельности. И в людях тоже.

– Ну, не знаю! – вспыхнула Энни. С ее точки зрения, с точки зрения ее близких друзей, здесь можно было кое-что улучшить, что-то чуть-чуть убрать. Это касалось и Эвонли, и его обитателей. Но то, что говорит этот практически чужак это уж слишком. – Я думаю, Эвонли прекрасное место, и люди здесь тоже очень приятные.

– Думаю, в вас сейчас разыграл темперамент, – сделал вывод мистер Харрисон, обратив внимание на покрасневшие щеки Энни и ее возмущенный взгляд. – Я думаю, это бывает с людьми вашего цвета волос. Эвонли вполне приличное место, иначе я не поселился бы здесь. Но, полагаю, даже вы согласитесь с тем, что тут есть кое-что не так.

– Я их еще больше люблю за это, – встала Энни на защиту Эвонли. – А чего хорошего в местах или людях, где все распрекрасно? Я думаю, что по-настоящему совершенная личность неинтересна. Миссис Уайт, жена Милтона, говорит, что она никогда не видела совершенной личности, но слышала об одной из них первой жене ее мужа. Вы себе представляете, каково жить с женщиной, первая жена которого была самым совершенством?

– А еще хуже быть мужем такого совершенства, – заявил мистер Харрисон с какой-то неожиданной теплотой в голосе.

Когда чай закончился, Энни настояла на том, чтобы ей позволили вымыть посуду со стола, хотя мистер Харрисон уверял ее, что чистой посуды в доме хватит на неделю. Она с удовольствием прошлась бы по полу со щеткой, но ее нигде не было видно, а спрашивать Энни не решилась: а вдруг щетки вообще нет.

– Вы можете приходить ко мне, побеседуем, – предложил мистер Харрисон, когда Энни уходила. – Мы соседи, и надо жить по-соседски. Мне, в некотором роде, очень интересно это общество, которое вы организуете. Я даже нахожу его занятным. И кем же вы займетесь в первую очередь?

– Мы не хотим влезать в дела людей мы хотим преобразовать, сделать лучше место, где мы живем, – сердито произнесла Энни. Ей показалось, что мистер Харрисон всё их начинание переводит в шутку.

Когда Энни ушла, мистер Харрисон еще некоторое время наблюдал за ней из окна.

Ее гибкая девичья фигурка легко двигалась по полю в послезакатном свете солнца.

– Сварливый одинокий дед вот кто ты, – вслух сказал он самому себе. – В этой девчонке есть что-то такое, я снова почувствовал себя молодым. Какое приятное ощущение. Хорошо бы время от времени испытывать его...

– Рыжик, – издевательски проскрипел попугай.

Мистер Харрисон погрозил ему кулаком.

– Ну ты, ворчливое пугало, еще тогда, когда брат принес тебя, мне чуть ли не захотелось отвернуть тебе башку, смотри, не вводи меня во грех, – пригрозил птице мистер Харрисон.

Энни прилетела домой радостная и рассказала о своем приключении Марилле, которая была уже немало обеспокоена ее долгим отсутствием и собиралась выйти искать ее.

– Все-таки до чего хорош, в конце концов, мир, правда, Марилла? – счастливо произнесла в конце своего рассказа Энни. – А миссис Линд тут как-то ворчала: что, мол, это за мир. Она еще говорила, что, если ждешь чего-то приятного, то обязательно жди разочарований, что ничто не сбывается в соответствии с твоими ожиданиями. Что ж, может, это и так. Но есть тут и добрая сторона. Ведь и дурные предчувствия тоже не оправдываются в полной мере. На деле всё происходит в несколько лучшем виде, чем ты опасаясь. Я рисовала себе самые ужасные картины, когда сегодня шла к мистеру Харрисону. А вместо этого встретила очень доброго человека и провела прекрасный вечер. Я думаю, мы будем с ним добрыми друзьями, если будем снисходительны к недостаткам друг друга. И тогда всё обернется к лучшему. И еще одно, Марилла: я никогда теперь не продам корову, пока не проверю, кому она в действительности принадлежит. А попугаев я теперь терпеть не могу!

Глава 4

Разные мнения

Однажды вечером, в закатный час, Джейн Эндрюс, Гилберт Блайд и Энни Ширли сидели в тени мерно шевелящихся на ветру ветвей раскидистой ели возле какого-то забора, в том месте, где аллея, именуемая Березовой тропой, выходила на главную дорогу. Джейн собиралась провести вторую половину дня с Энни. Они шли вдвоем по дороге к дому Энни, когда встретили Гилберта и разговорились. Теперь они говорили о завтрашнем критическом для них дне, ибо на следующий день утром начинались занятия в школах. Джейн начнет занятия в Ньюбридже, а Гилберт в Белых Песках.

– Вам обоим лучше, чем мне, – вздохнула Энни. – Вы будете учить детей, которые вас не знают, а мне придется преподавать своим соученикам, а миссис Линд говорит, что боится, как бы мои ученики не стали проявлять неуважительность ко мне в новом моем положении, если я не буду с самого начала строга к ним. А я не считаю, что учитель должен быть строгим. А может, мне так кажется.

– Я думаю, все у нас пойдет как надо, – уверенно произнесла Джейн. Джейн не лелеяла особых устремлений, которые могли бы помешать ее планам. А эти планы означали приличную зарплату, социальное обеспечение и наличие ее имени в книге почета инспекции по школам. Других амбиций у Джейн не было. – Главное это чтобы был порядок, а учитель достаточно строг, чтобы обеспечить этот порядок. Если мои ученики не будут вести себя так, как я хочу, я буду попросту наказывать их.

– А как?

– А розги на что?

– Ой, Джейн, только не это, – воскликнула Энни, словно ее обожгло. – Ты этого не делаешь, Джейн!

– Еще как сделаю. Чего заслуживают, то и получают, – решительно заявила Джейн.

– Ты не посмеешь выпороть ребенка, – с той же решительностью заявила Энни. – Я вообще не верю в эти методы. Мисс Стейси ни разу пальцем не тронула никого из нас, а порядок у нее был исключительный. А мистер Филипс вечно всех порол, а порядка никогда не было. Нет уж, если я не смогу обойтись в школе без битья, то я лучше вообще уйду из школы. Есть способы и получше управляться с детьми. Я вначале завоюю уважение учеников, а после этого они захотят, – подчеркнула Энни, делать то, что я им говорю.

– Вряд ли они захотят, – ответила прагматичная Джейн.

– Во всяком случае, сечь я их не буду. Я уверена, это все равно не принесет добра. Джейн, дорогая, не надо бить учеников, что бы они ни делали!

– А ты что думаешь по этому поводу, Гилберт? – требовательно обратилась Джейн к Гилберту. – Ты не считаешь, что есть категория детей, которых время от времени надо пороть?

– А тебе не кажется, что это грубость, варварство бить ребенка? Любого ребенка, – воскликнула Энни, вся раскрасневшаяся от охвативших ее эмоций.

– Ну что ж, – медленно начал Гилберт, разрываясь между своими собственными убеждениями и стремлением потрафить идеалам Энни. – Тут можно сказать в поддержку обеих точек зрения. Я не сильно верю в пользу порки. Я думаю, что, как сказала Энни, есть способы и получше управляться с детьми, как правило, и что телесные наказания это последнее средство. Но, с другой стороны, как говорит Джейн, есть отдельные дети, на которых нельзя подействовать иначе, как розгами, и которым, короче говоря, нужна розга, потому что они от этого станут только лучше. Телесное наказание это крайнее, последнее средство, и это будет моим правилом.

Гилберт, пытаясь удовлетворить обе стороны, добился того, что не удовлетворил ни одну из них обычное дело.

Джейн вскинула голову.

– Когда мои дети будут неуправляемыми, я их буду сечь. Это самый короткий и простой путь к тому, чтобы убедить их.

Энни бросила на Гилберта разочарованный взгляд.

– А я никогда не буду сечь детей, – упрямо повторила она. – Я убеждена, что это и неправильно, и в этом нет необходимости.

– А представь, ты велишь мальчику что-то сделать, а он дерзит тебе в ответ, – сказала Джейн.

– Я оставлю его после уроков и по-доброму, но твердо поговорю с ним, – ответила Энни. Доброе есть в каждом человеке, нужно только найти его. И задача учителя найти это и развить. Так нам говорил наш профессор из училища в Куинсе, вы же знаете. Разве ты сможешь выявить в ребенке доброе битьем? Профессор Ренни говорил, что наставить ребенка на путь истинный гораздо важнее, чем научить его читать, писать и считать.

– Однако проверяющие оценивают их по тому, как они читают, пишут и считают, и, если они не дотягивают до их стандарта, ты не получишь положительного отзыва о своей работе, – возразила Джейн.

– Для меня важнее, чтобы мои ученики любили меня и помнили спустя годы как человека, помогшего им в чем-то, чем всякие почетные списки, – твердо продолжала стоять на своем Энни.

– Ты что, вообще не будешь наказывать детей, если они поведут себя плохо? – спросил Гилберт.

– Да нет, буду, надо будет, хотя мне сильно не хотелось бы этого. Но ведь можно в наказание не выпускать ребенка на перемену, велеть ему постоять в течение урока или задать ему написать дополнительные строчки.

– Я думаю, ты не станешь наказывать девочек тем, что заставишь их сидеть с мальчиками? – с хитринкой спросила Джейн.

Гилберт и Энни переглянулись и улыбнулись, несколько даже глуповато. Когда-то Энни в наказание посадили с Гилбертом, и последствия этого оказались грустными.

– Ладно, время покажет, какой путь правильнее, – философски промолвила Джейн, когда они расходились.

Энни пошла обратно к Зеленым Крышам тенистой, шелестящей своей листвой и источающей запах папоротников Березовой тропой, далее Долиной Фиалок мимо Ивового пруда, где в тени пихт тьма встречалась со светом, Аллеей Влюбленных это название уже давно придумали Энни с Дианой. Шла она медленно, любуясь деревьями и полями, звездами на летнем сумеречном небосклоне, предаваясь мыслям о своих новых обязанностях, к которым ей предстоит приступить с завтрашнего утра. Когда она достигла Зеленых Крыш, через открытое окно кухни миссис Линд до Энни донесся ее громкий и властный голос.

«Ну вот, пришла миссис Линд и сейчас начнет давать мне советы, как мне завтра вести себя, – с гримасой на лице подумала Энни. – Уж лучше к ней не заходить. Мне кажется, что ее советы как перец. В небольших количествах они превосходны, а в ее привычных дозах сильно жгут. Обегу-ка я ее и лучше поболтаю с мистером Харрисоном».

Энни уже не впервой после той истории с коровой обегала миссис Линд и шла поболтать с мистером Харрисоном. Несколько раз заходила она вечерами к нему, и они сидели и разговаривали, как добрые друзья, хотя временами Энни становилось не по себе от откровенности мистера Харрисона, которой он так так гордился. Рыжий продолжал относиться к ней подозрительно и никогда не упускал случая обозвать ее «рыжиком». Мистер Харрисон безуспешно

пытался отучить его от этой привычки, вскакивая всякий раз, заведя приближающуюся к дому Энни, и громко восклицая: «Хорошенькое дело! Опять к нам идет эта очаровательная девочка!» или что-то в этом роде, лестное для Энни. Но Рыжий презрительно отметал в сторону новые формулировки. Энни не суждено было узнать, какие комплименты отпускал ей мистер Харрисон в ее отсутствие. В лицо ей он, конечно, таких вещей никогда не говорил.

– Ну, полагаю, вы были в лесу и собирали прутья, готовясь к завтрашнему дню, – такими словами приветствовал Энни мистер Харрисон, когда она поднялась по ступенькам веранды.

– Вот еще, – с ноткой возмущения произнесла Энни. Вообще Энни была идеальной мишенью для шуток, поскольку воспринимала всё всерьез. – В моей школе никогда не будет розг, мистер Харрисон. Конечно, указка у меня будет, но я ее буду использовать только по прямому назначению.

– Значит, вы собираетесь пользоваться ремнем? Ну, я не знаю, но, может быть, вы и правы. Розгой побольнее в момент наказания, но ремень помнится дольше, это уж точно.

– Да ни того ни другого. Я вообще не буду бить учеников.

– Хорошенькое дело! – воскликнул мистер Харрисон, искренне удивленный. – Интересно, а как же вы намереваетесь поддерживать порядок в классе?

– Моим оружием будет любовь и уважение, мистер Харрисон.

– А, это не поможет, – уверенно произнес мистер Харрисон, нисколько не поможет. – Как у нас говорят? «Розгу жалеть дитя портить». Когда я ходил в школу, учитель сек меня регулярно, каждый день. Он говорил, что, мол, если я еще не набедокурил, то все равно замышляю.

– С тех пор методы изменились, мистер Харрисон.

– А человеческая натура нет. Попомните мои слова, ничего вы не сделаете с этой мелюзгой, если не будете иметь розгу наготове. Без этого нельзя.

– И все-таки я попытаюсь попробовать по-своему, – заявила Энни, убежденная в своей правоте и готовая твердо придерживаться своих теорий.

– Вы довольно-таки упрямы, по-моему, – в таких словах выразил на сей раз свое мнение мистер Харрисон. – Ну что ж, ладно, посмотрим. Однажды, когда вас здорово достанет, а у людей с вашим цветом волос это запросто случается, вы забудете о своих прекрасных намерениях и устроите кое-кому хорошую трепку. Вы еще слишком молоды, чтобы преподавать. Слишком. Вы еще сами ребенок.

В эту ночь Энни легла спать в весьма пессимистичном настроении. Спала она плохо и была на утро за столом такой бледной и печальной, что Марилла беспокоилась и настояла, чтобы Энни выпила чашку жгучего имбирного чая. Энни терпеливо потягивала этот чай, хотя не представляла себе, какую пользу может ей дать имбирный чай. Ей бы какой-нибудь волшебный напиток, который даровал бы ей прибавление возраста и опыта, такого она выпила бы с литр и не поперхнулась.

– Марилла, а что если у меня не получится?

– За один день все сразу провалить невозможно, а у тебя еще много дней впереди, – ответила Марилла. – С тобой такая проблема: ты захочешь научить детей всему и немедленно избавить их от их недостатков, а если у тебя этого не получится, то ты будешь считать, что тебя постигла неудача.

Глава 5

Как настоящая директриса

Когда в то утро Энни пришла в школу впервые в своей жизни она прошла по Березовой тропе глухая и слепая к ее красотам, всё было тихо и спокойно.

Предыдущая учительница приучила учеников быть к ее приходу на своих местах, и, когда Энни вошла в класс, она увидела перед собой ровные ряды свежих утренних физиономий и горящие и пытливо изучающие ее глаза. Она повесила свою шляпку и повернулась к ученикам, надеясь, что ее лицо выглядит не настолько напуганным и глуповатым, как это казалось ей самой, и что ученики не заметят ее дрожь.

Перед этим она сидела примерно до полуночи, составляя речь, с которой обратится к учащимся по случаю начала занятий. Она всячески переделывала и улучшала ее, а затем выучила наизусть. Речь вышла очень хорошей, там были прекрасные мысли, особенно насчет взаимной помощи и неутомимого стремления к знаниям. Единственным слабым моментом речи было то, что Энни не могла сейчас вспомнить ни слова из нее.

Спустя десять секунд, которые показались ей вечностью, она промолвила:

– Возьмите, пожалуйста, свои Библии.

И бесчувственно опустила на стул под шорох страниц и хлопанье столами. Пока дети читали стих, Энни привела в порядок свои мысли и окинула взглядом ряды юных пилигримов в Страну Знаний.

Большинство их она, конечно, хорошо знает. Ее одноклассники покинули школу вместе с ней в годом раньше, но и все остальные ходили в школу вместе с ней.

Исключение составляли первый класс и десять человек, переехавших в Эвонли. В душе Энни больше интересовал этот десяток новичков, чем те, возможности которых были вполне вычислимы. По правде говоря, они могли быть такими же обычными ребятишками, как и местные, но мог найтись среди них и гениальный ребенок. Эта мысль завораживала Энни.

Место за угловым столом самолично занял Энтони Пай. У него было смуглое сумрачное маленькое личико. Его черные глаза враждебно уставились на Энни. Энни моментально решила для себя, что завоюет привязанность этого мальчика и тем обезоружит его семейство.

В другом углу рядом с Арти Слоуном сидит еще один странный мальчик веселый с виду, курносый и веснушчатый мальчуган с большими голубыми глазами, окаймленными белесоватыми ресницами. Видимо, это сын Доннелла, а если верить сходству, напротив него через проход, рядом с Мэри Белл, сидит его сестра.

Энни удивилась, что это за мать у девочки, если посылает ее в школу в таком виде. На девочке было выцветшее розовое шелковое платье с хлопчатобумажными кружевами, грязные детские домашние туфли и шелковые чулки. На ее песчаного цвета волосах были наворочены неестественные завитки, завязан пышный бант из розовой ленты, огромный, больше ее головы. Судя по девочке, она была весьма довольна своим внешним видом.

Бледное маленькое создание с ровными волнами шелковых, с коричневатым оттенком волос, плавно спадавших на плечи, должно быть Аннеттой Белл, родители которой раньше жили в ньюбриджском школьном округе, но из-за того, что перенесли свой дом на полсотни ярдов к северу, оказались в Эвонли. Все три очень бледнолицых девочки, поместившиеся на одной скамейке, это наверняка Коттоны. Несомненно, что маленькая красавица, длинноволосая и кудрявая шатенка с карими глазами, кокетливо поглядывающая поверх своей Библии на Джека Гиллиса, это Прилли Роджерсон, отец которой женился недавно второй раз и перевез Прилли домой от бабушки в Графтоне. Высокую нескладная девочка в последнем ряду, которая, казалось, не знает, куда девать свои руки и ноги, Энни не смогла поначалу «пристроить»

ни в одну семью, но потом узнала, что ее зовут Барбара Шоу и что она приехала сюда к тетке. Еще позже ей доведется прийти к выводу, что если Барбара хоть раз умудрится пройти между столов, не споткнувшись о чужие ноги или не запутавшись в собственных, то ее имя можно будет смело занести на мраморную доску школьных знаменитостей у порога школы.

Но когда глаза Энни встретились глазами с мальчиком, сидевшим сразу напротив ее стола, странные мурашки пробежали у нее по телу, словно она нашла своего гения. Она знала это должен быть Пол Ирвинг. Миссис Рэйчел Линд была права, как-то сказав, что этот мальчик будет непохож на эвонлийских ребят. Более того, Энни поняла, что он вообще непохож на других ребят, где бы они ни жили, и что это душа тонкая, сродни ее собственной, пристально и ожидающе глядящая на нее темно-синими глазами.

Энни знала, что Полу десять лет, но выглядел он восьмилетним, не более. У него было такое красивое личико, какого она никогда не видела у детей редкостно утонченные черты лица, обрамленного в ореол каштановых кудряшек. У него были полные, но не слишком, щеки, алые губы, заканчивавшиеся совершенными уголками, спрятанными, но не глубоко. Вид он имел рассудительный, серьезный, словно дух его был значительно старше его тела. Но стоило Энни улыбнуться ему, как всю его серьезность как рукой сняло и он ответил очаровательной улыбкой, которая, похоже, отражала внутреннюю красоту этого создания словно какая-то лампа вдруг зажглась внутри него, высвечивая его с ног до головы.

Особенно приятно было то, что это получалось само собой, не вызванное никакими попытками извне или внутренними мотивами, а просто оказалось выплеском сокрытой до поры до времени от внешнего взора личности, и выходило это необычно и очаровательно. После этого моментального обмена улыбками Энни и Пол сразу стали друзьями на веки, не успев обменяться ни словом.

День прошел как сон. По прошествии времени Энни никогда не могла как следует вспомнить его. Ей чуть ли не казалось, что это не она вела урок, а кто-то другой. Она хорошо слышала класс, задавала арифметические задачи, прописи, но всё это делала механически. Дети вели себя вполне прилично, случились лишь два казуса. Морли Эндрюс выпустил в проход между рядами двух выдрессированных сверчков. Энни велела Морли простоять урок перед классом, а сверчков конфисковала. Второе Морли воспринял более остро, чем первое. Энни посадила сверчков в коробочку, а по дороге из школы выпустила их в Долине Фиалок. Однако Морли был уверен и тогда, и потом, что Энни взяла их домой, чтобы забавляться ими.

Другим нарушителем порядка оказался Энтони Пай, который выплеснул остатки воды из своей бутылочки на шею Аурелии Клэй. Энни оставила Энтони на перемене в классе и поговорила с ним на тему о том, каких поступков ждут от джентльмена, и объяснила ему, что ни один джентльмен не станет выливать воду на шею леди. И сказала, что хотела бы, чтобы все ее мальчики были джентльменами. Ее маленькое поучение было добрым и трогательным за душу, но Энтони, к сожалению, оно совершенно не тронуло. Он выслушал Энни с прежним сумрачным выражением лица, а выходя, презрительно присвистнул. Энни вздохнула, но тут же успокоила себя тем, что завоевание признания со стороны Энтони – это как строительство Рима, дело не одного дня. На самом деле было весьма сомнительно, водилось ли среди этого семейства такое понятие признание, которое Энни собиралась завоевывать, но о самом Энтони она думала лучше. Ей казалось, что он может оказаться и вполне хорошим мальчиком, если такой существовал за этой угрюмой физиономией.

Когда занятия закончились и дети разошлись по домам, Энни устало опустилась на стул. У нее болела голова, Энни чувствовала себя ужасно расстроенной, хотя по сути дела оснований для расстройства не было, поскольку ничего страшного не случилось. Но Энни очень вымоталась и готова была поверить в то, что ей никогда не научиться любви к преподаванию. И как же это ужасно делать то, что тебе не нравится, каждый день на протяжении... скажем, сорока

лет. Энни никак не могла принять решение, где ей расплакаться по дороге или дожидаться, пока придет домой, в свою беленькую комнатку. Пока она решала, послышался стук каблуков и шуршание шелка, и перед Энни возникла леди, внешний вид которой заставил Энни вспомнить недавние нелестные слова мистера Харрисона в адрес какой-то женщины, виденной им в магазине Шарлотт-тауна: «В этой женщине лоб в лоб столкнулись последний крик моды с ночным кошмаром».

На леди красовалось пышное платье из тонкого бледно-голубого шелка, на котором оборки, сборки и буфы были везде, где только их можно было сотворить. Голову венчала огромная белая шифоновая шляпа, украшенная тремя страусиными перьями, лишившимися былой пышности. С полей шляпы сборки свисала на плечи и отчасти на спину розовая шифоновая вуаль, щедро усыпанная большими черными пятнами. На ней было столько драгоценностей, сколько помещалось на этой миниатюрной женщине. Ее сопровождал сильный запах духов.

– Я миссис Дон-нелл, – отдельно произнесла она свою фамилию с ударением на втором слоге, – и я пришла поговорить с вами о кое-каких вещах, о которых мне рассказала Кларис Алмира, когда приходила домой обедать. Это меня чрезвычайно взволновало.

– Простите, – неуверенно пробормотала Энни, тщетно сиюсь вспомнить какой-либо сегодняшний инцидент, связанный с детьми Доннеллов.

– Кларис Алмира сказала мне, что вы произносите нашу фамилию Дон-нелл, – произнесла она с ударением на первом слоге. – Теперь, миссис Ширли, правильное произношение нашей фамилии Дон-нелл, с ударением на втором слоге. Я надеюсь, вы запомните это на будущее.

– Я постараюсь, – промолвила Энни, с трудом сдерживая в себе непреодолимое желание расхохотаться. Я знаю по опыту, как это неприятно, когда твою фамилию коверкают на письме, и я полагаю, что это еще неприятнее, когда ее коверкают в произношении.

– Конечно. А еще Кларис Алмира сообщила мне, что вы зовете моего сына Джекобом.

– Он мне сам сказал, что его имя Джекоб.

– Этого можно было ожидать, – произнесла миссис Доннелл, что с ударением на последнем слоге, таким тоном, словно хотела сказать: какой, мол, благодарности можно ожидать от детей в этот вырождающийся век. – У мальчика такие плебейские замашки, мисс Ширли. Когда он родился, мне захотелось назвать его Сент-Клер это звучит так аристократично, не правда ли? Но его отец настоял, чтобы его назвали Джекобом в честь дяди. Я уступила, потому что дядя Джекоб был богатым старым холостяком. И что вы думаете, мисс Ширли? Когда нашему невинному мальчику было пять лет, дядя Джекоб взял да и женился, и теперь у него трое своих собственных мальчиков. Вы когда-нибудь слышали про такую неблагодарность? И когда от него пришло нам приглашение на свадьбу, представьте себе, он имел наглость прислать нам приглашение, мисс Ширли, я сказала: «Спасибо, для меня больше нет Джекоба». С того дня я зову своего сына Сент-Клер, и я твердо решила, что он будет Сент-Клером. Его папаша упрямо продолжает звать его Джекобом, и сам мальчик безотчетно тяготеет к этому вульгарному имени. Но Сент-Клер он есть Сент-Клером и останется. Вы будете добры запомнить это, хорошо, мисс Ширли? Спасибо вам. Я сказала Кларис Алмуре, что речь наверняка идет о недоразумении и что стоит поговорить с вами, как все станет на свои места. Значит, Дон-нелл ударение на последнем слоге и Сент-Клер и никаких Джекобов. Вы запомните? Благодарю вас.

Когда миссис Доннелл удалилась, Энни заперла школу и направилась домой. В месте, где дорога шла на подъем, у начала Березовой тропы, ей попался Пол Ирвинг. Он протянул Энни изящный букетик диких орхидей, которые местные ребяташки называли «рисовыми лилиями».

– Пожалуйста, учитель, возьмите, я нашел это на поле мистера Райта, – застенчиво произнес он, и пошел обратно, чтобы вручить их вам, потому что думал, что вы добрая леди, кото-

рой они понравятся, и потому, что... он поднял на Энни свои большие красивые глаза, – вы мне нравитесь, учитель.

– Ты очень мил, – сказала Энни, принимая у него ароматные цветы. Слова Пола оказались точно волшебством, неверие и усталость мигом покинули Энни, и в сердце ее заиграла надежда. По Березовой тропе она шла, не чувствуя ног, и сладкий запах диких орхидей сопровождал ее, словно благословение.

– Ну и как у тебя дела? – первым делом спросила ее Марилла.

– Спроси через месяц, может, смогу ответить. А сейчас не могу, я сама себя не понимаю, всё это слишком близко. У меня сейчас все мысли так перепутаны в голове! Единственно, чего я точно добилась сегодня, так это научила Клиффи Райта, что «а» это «а». До настоящего времени он этого и не подозревал. Разве это мало пустить человека по тропе, которая может закончиться чем-то вроде Шекспира или «Потерянного рая»?

Попозже поддержать Энни пришла миссис Линд. Эта добрейшая женщина ловила детей у ворот своего дома и спрашивала их, как им понравилась новая учительница.

И каждый из них сказал, что ты им понравилась очень за исключением Энтони Пая. Должна признаться, ты ему не понравилась. Он сказал, что «из девчонки это не учитель». В семействе этого ученика та еще закваска. Но ты не обращай внимания.

– И не собираюсь обращать, – спокойно ответила Энни. – Я сделаю так, чтобы Энтони Пай полюбил меня. Терпением и добротой я завоюю его сердце.

– Ну, насчет этой семейки ничего заранее сказать нельзя, – предостерегающе произнесла миссис Рэйчел. – Они вечно стараются всё делать наоборот. Что касается этой Доннелл, – миссис Рэйчел сделала ударение на первом слоге, – то никакого ударения на последнем слоге она от меня не получит. Всегда в этой фамилии делали ударение на первом слоге. Женщина просто свихнулась, это факт. У нее есть собака, мопс, так она зовет ее Куини (Королева) и кормит вместе со всей семьей за общим столом, на фарфоровом блюде. Я бы на ее месте помалкивала, а не раздавала советы. Томас говорит, что сам Доннелл чувствительный, работающий мужчина, но ему изменила его рассудительность, когда он выбирал себе жену, вот что.

Глава 6

Мужчины и женщины во всем их разнообразии

Сентябрьский день в горах острова Принца Эдуарда. С моря поверх песчаных дюн дует свежий ветерок. Длинная красноватая дорога вьется среди полей и перелесков. Вот она обогнула густой ельник, вот прошла посадки молодых кленов, под которыми запрятался раскидистый папоротник, затем нырнула в ложбину, где из-за деревьев выбегает ручей и за ними же скрывается, потом выбегает на открытую местность, купаясь в солнечном свете то между золотистыми прутьями молодняка, то дымчато-голубыми астрами. Вот она подрагивает под музыку мириад сверчков, этих веселых и беззаботных летних обитателей гор. А вот откормленный бурый пони неторопливо шагает по дороге, а за ним легко ступают две девочки, полные простой и бесценной радости молодости и жизни.

– Ах, какой день! Вот такие же дни были, наверно, в Эдеме, правда, Диана?! – Энни счастливо вздохнула полной грудью. – Воздух просто волшебный. Посмотри, в каком пурпурном свете поля, Диана. А ты не чувствуешь этот запах умирающих пихт? Он идет из долины, где мистер Ибен Райт рубит шесты для изгороди. В такой день всё должно жить. Блаженство быть живым в такой вот день, а запах мертвых пихт зовет на небо. Это на две трети Уордсорт, а на одну треть Энни Ширли. Вряд ли умирающие пихты могут быть на небесах, как ты думаешь? Но небеса нельзя считать, по-моему, совершенными, если, проходя по их кущам, не услышишь легкий запах этих мертвых пихт. Может, там и есть такой запах, но не связанный со смертью. Да, я думаю, именно так оно и обстоит. Этот редкостный запах должен быть душами пихт и эти души должны быть и на небесах.

– У деревьев нет души, – остановила Энни практично мыслящая Диана. Но запах срубленных пихт действительно приятный. Сделаю подушку и набью ее хвоей пихт. И тебе советую, Энни.

– Пожалуй, сделаю. И буду спать на ней. И мне наверняка будут сниться сны, будто я дриада или еще какая лесная нимфа. Но в настоящий момент я очень довольна тем, что я Энни Ширли, что у меня школа в Эвонли и что я еду по этой дороге в такой чудный, ласковый день.

– День-то приятный, но вот задача нам с тобой предстоит не из приятных, – вздохнула Диана. – Что тебя надоумило предложить собирать деньги по этой дороге, Энни? На этой дороге живут почти все наши ненормальные, и на нас будут смотреть как на людей, собирающих милостыню для самих себя. И дорога эта самая плохая из всех.

– Поэтому-то я ее и выбрала. Я уверена, что Гилберт и Фред тоже выбрали бы эту дорогу, если бы мы их спросили. Но видишь ли, Диана, я чувствую себя ответственной за наше общество, потому что я первой предложила его, и мне кажется, что я должна брать на себя самую неблагоприятную работу. Прости, что я тебя притянула к этому, но в самых трудных домах тебе не придется говорить ни слова. Всю разговорную часть я беру на себя миссис Линд говорит, что уж это-то я умею. Миссис Линд не знает, как относиться к нашему предприятию – одобрять или нет. Она вроде бы «за», когда вспоминает, что мистер и миссис Аллен поддерживают это начинание, но тот факт, что впервые такие общества преобразования возникли в Штатах, принижает их ценность, с ее точки зрения. Так что она колеблется, и только наш успех смог бы оправдать нашу инициативу в глазах миссис Линд. Присцилла собирается отразить на бумаге наше следующее собрание, и, я думаю, это хорошее дело, так как ее тетя очень умно пишет и, тут я не сомневаюсь, эту у них в роду у всех. Никогда не забуду, под каким впечатлением я была, когда узнала, что миссис Шарлотта Морган это тетя Присциллы. Я так рада была, что дружу с девочкой, тетя которой написала «Эджвудские деньки» и «Сад розовых бутонов».

– А где живет миссис Морган?

– В Торонто. И Присцилла говорит, что на следующее лето она придет к нам на остров и, если возможно, Присцилла организует нам встречу с ней. Даже не верится, что это может произойти! А так приятно подумать об этом, когда ложишься на подушку.

«Общество преобразования Эвонли» стало свершившимся фактом. Гилберт Блайд стал президентом, Фред Райт вице-президентом, Энни Ширли секретарем, Диана Барри казначеем. «Преобразователи», как их с ходу нарекли, собирались встречаться раз в две недели в домах членов общества. Они признали, что не следует ожидать особых преобразований в этом году, который идет к зиме и к концу. Но они наметили следующим летом развернуть кампанию, накопить и обсудить новые идеи, разрабатывать тематические документы и, как сказала Энни, готовить, воспитывать общественное мнение.

Не все, конечно, с одобрением отнеслись к созданию общества. Особенно остро воспринимали «преобразователи» странные и смешные моменты в отношении к себе со стороны жителей. Так, Элиша Райт вроде бы говорил, что лучше бы назвали общество «клубом ухажеров». Миссис Мириан Слоун заявила, что она слышала, будто «преобразователи» вспахивают обочины дорог и сажают там герань. Леви Бултер предупреждал своих соседей, что «преобразователи» будут добиваться того, чтобы каждый снес свой дом и построил новый по плану, утвержденному новым обществом. Ибен Райт сказал Энни, что неплохо «преобразователям» заставить старика Джошиа Слоуна подрезать свои бакенбарды. Лоренс Белл заявил, что сарай свои он еще может побелить, но вешать тюлевые занавески в коровнике не станет. Мэйджор Спенсер спросил Клифтона Слоуна, «преобразователя», который возил молоко на сыроваренный завод в Кармоди, правда ли, что каждый должен следующим летом покрасить от руки подставку для бидонов и накрыть ее кружевной салфеткой.

Несмотря на это или потому, что таково уж свойство человеческой природы, – общество смело бросилось на решение единственного преобразования, которое, как надеялись его члены, можно было завершить до исхода осени. На втором собрании, в доме семейства Дианы Барри, Оливер Слоун предложил начать подписку в пользу того, чтобы перекрыть крышу и перекрасить здание магистрата, Джулия Белл поддержала его, не совсем уверенная в том, что это женское дело. Гилберт поставил вопрос на голосование, поддержка оказалась единодушной, и Энни с тяжелым сердцем занесла это решение в свои скрижали.

Следующим делом оказалось формирование соответствующего комитета, и Герти Пай, полная решимости не дать Джулии Белл пожать все лавры, взяла да и выдвинула Джейн Эндрюс в председатели этого комитета. Это предложение было надлежащим образом обсуждено и поддержано, и Джейн в порядке ответной любезности включила Герти в этот комитет вместе с Гилбертом, Энни, Дианой и Фредом Райтом. Комитет в закрытом порядке распределил обязанности. Энни и Диана были определены на ньюбриджскую дорогу, Гилберт и Фред на дорогу к Белым Пескам, а Джейн и Герти на дорогу к Кармоди.

Потому, пояснил Гилберт Энни, когда они направлялись домой по дороге через Духову рощу, насчет назначения Герти Пай, что все члены фамилии Пай жили на этой дороге и они не дадут ни цента, если деньги не будет собирать кто-то из их родственников.

На следующую субботу Энни и Диана начали осуществлять порученное дело. Они заехали с другого конца дороги и начали собирать средства, передвигаясь по направлению к своим домам. Первыми, к кому они зашли, были «девушки» семейства Эндрюсов.

– Если Кэтрин дома одна, то мы получим что-нибудь, – сказала Диана. – Но если там Элиза кукиш мы получим.

Элиза была дома, и выглядела куда более угрюмой, чем обычно. Мисс Элиза являлась одной из тех немногих персон, по которым можно было составить впечатление, что жизнь это воистину юдоль печали и что какая-то улыбка – упаси Боже смех это непозволительная трата

нервной энергии. «Девушки» этого семейства были таковыми уже лет полсотни и, похоже, намеревались оставаться в таком качестве до конца своего жизненного пути. Кэтрин, как поговаривали, еще не оставила надежд, но Элиза, от рождения пессимистка, вообще никогда ни на что не надеялась. Жили они в маленьком, побуревшем от времени доме, выстроенном на солнечной опушке буковой рощи Марка Эндрюса. Элиза жаловалась, что летом в доме ужасно жарко, а Кэтрин обыкновенно говорила, что в нем приятно и тепло зимой.

Элиза сидела и что-то шила из лоскутов, и не потому, что в этом была необходимость, а в качестве протеста против легкомысленных кружев, которые плела в этот момент Кэтрин. Элиза хмуро, а Кэтрин с улыбкой выслушали Энни и Диану, когда те рассказали, с чем пришли. Правда, когда Кэтрин ловила взгляд Элизы, ее улыбка становилась смущенной, но уже в следующее мгновение от этого смущения не оставалось следа.

– Если бы у меня водились лишние деньги, – с хмурым видом заявила Элиза, – я бы, наверно, сожгла их и получила удовольствие от этого пламени. Но уж на ремонт нашего магистрата не дала бы ни цента. От него никакого прока деревне. Это все для молодежи чтобы они там встречались да ухлестывали друг за дружкой, вместо того чтобы сидеть дома или спать.

– Элиза, должны же молодые люди развлекаться, – протестующе сказала Кэтрин.

– Не вижу в этом необходимости. Мы, когда были молодыми, не шлялись по таким местам, Кэтрин Эндрюс. Этот мир с каждым днем делается все хуже и хуже.

– А я думаю, что он становится лучше, – твердо заявила Кэтрин.

– Ты думаешь! – Голос Элизы выражал крайнее презрение. – Не имеет значения, что ты думаешь, Кэтрин Эндрюс. Факты есть факты.

– Ну а мне всегда нравится смотреть на светлые стороны жизни, Элиза.

– А их и нет, светлых-то.

– Нет есть! – не выдержав этой, по ее мнению, ереси, воскликнула Энни. – Ну как же, мисс Эндрюс, ведь есть столько светлого. Это действительно красивый мир!

– Вы бы не были о нем такого высокого мнения, если бы пожили с мое, – недовольно пробурчала Элиза. И вы не с таким энтузиазмом относились бы к мыслям насчет его улучшения. Как твоя мать, Диана? Бедняга, она столько перенесла за последнее время. Она так ужасно выглядит. А Марилла она ведь совершенно ослепнет. Что говорят доктора, сколько ей до того, как она совсем ослепнет, Энни?

– Врачи считают, что ухудшения не произойдет, если она будет следить за глазами, рас-
терянно произнесла Энни.

Элиза покачала головой.

– Врачи вечно так говорят, чтобы поднять людям настроение. Я бы на ее месте не питала особых надежд. Уж лучше быть готовой к худшему.

– А почему бы не готовиться и к лучшему? – дрогнувшим голосом пролепетала Энни. – Может случиться хуже, но в равной степени может стать и лучше.

– По моему опыту нет. Мне пятьдесят семь, а тебе шестнадцать, понятно? – тем же недовольным голосом продолжала Элиза. Ну а насчет вашего общества оно, конечно, поможет Эвонли оттянуть свой конец, но я не сильно надеюсь на это.

Энни и Диана с облегчением покинули этот дом и поехали прочь настолько быстро, насколько мог бежать быстро упитанный пони. Когда дорога сделала поворот в кедровой роще, девушки увидели, что по пастбищу, принадлежащему мистеру Эндрюсу, бежит пухленькая женщина и отчаянно машет им рукой. Это была Кэтрин Эндрюс. Подбежав, она не могла говорить, а вложила в руку Энни две монеты по четверти доллара.

– Это мой взнос в покраску магистрата, наконец смогла произнести она. – Я дала бы доллар из своих денег за продажу яиц, но больше не могу, иначе Элиза обнаружит. Я очень болею за ваше общество и верю, что вам удастся сделать много добрых дел. Я оптимистка. Не могу не быть, живя с Элизой. Всё, мне надо спешить обратно, пока она нехватила меня. Она

думает, что я сейчас кормлю кур. Я надеюсь, вам успешно удастся собрать деньги. Не берите в голову, что вам говорила Элиза. Мир становится лучше, это определено.

Следующим был дом Дэниела Блейра.

– Сейчас все зависит от того, дома ли его жена или нет, – сказала Диана, когда они подъезжали к дому, подпрыгивая на ухабах разъезженной дороги. – Если дома, то мы не получим ни цента. Все говорят, что Дэн Блейр даже постричься не может без разрешения жены. А она особа, как бы это помягче сказать, скуповатая. Она вечно говорит, что для нее прежде всего справедливость, а уж затем щедрость. И, как утверждает миссис Линд, настолько «прежде всего», что до щедрости дело никогда не доходит.

Вечером Энни рассказывала Марилле о приключениях в доме Блейра.

– Привязали мы лошадь и стучимся так тихо в кухню. Никто не вышел, но дверь была открыта, и мы слышим, из чулана кто-то идет, этак тяжело. Мы не могли слова промолвить, страшно было. Диана говорит, они жутко ругались. Про мистера Блейра даже не верится, он всегда такой спокойный, смирный. Но его же тоже можно довести. В общем, Марилла, когда этот бедняга появился у дверей, на нем был женский фартук в клеточку, и лицо у него было красное, как свекла, пот по лицу течет, и он говорит нам: «Не могу снять эту тряпку, она намертво завязала ее, так что прошу извинить меня, леди». Ну, мы попросили его не обращать на это внимания, вошли и сели. Мистер Блейр тоже сел. Он поднял фартук и завел его за спину, но все равно ему было очень стыдно, мне стало даже жалко его, а Диана предположила вслух, что мы заявили в неудобное время. «Нет, ничего, остановил ее мистер Блейр и попытался улыбнуться ты же знаешь, он всегда очень вежливый. Я просто немножко занят, собрался печь пирог, вот видите. Жена получила сегодня телеграмму, что вечером приезжает ее сестра из Монреаля. Она под дождем поехала встречать ее к поезду, а мне велела испечь пирог к чаю. Она написала мне рецепт и сказала что делать, а я половину ее рекомендаций начисто забыл. Вот тут написано: «положить во вкус», а что это означает, не знаю. Как это понимать? А что если мой вкус отличается от вкуса других людей? Столовой ложки ванилина хватит для маленького слоеного пирога?

Энни передохнула и продолжила:

– Мне стало совсем жалко бедолагу. Чувствовалось, что он оказался не в своей тарелке. Я знаю, есть мужья, крепко сидящие под башмаком у жен, и вот теперь столкнулась с одним из них. У меня так и рвалось с языка сказать: «Мистер Блейр, если вы пожертвуете на покраску дома магистрата, я поставлю вам ваш пирог». Но тут же я подумала, что это не по-соседски пользоваться положением человека, попавшего в тяжелое положение. И я предложила, что сделаю пирог, но безо всяких условий. Он так и ухватился за мое предложение. Мистер Блейр сказал, что до женитьбы сам, бывало, пек себе хлеб, но пирог – это, похоже, ему не по силам. Но и жену ему не хочется расстраивать. Ну, дал он мне другой фартук, Диана стала взбивать яйца, а я замешивать пирог. А мистер Блейр бегал вокруг нас и подносил, что нам нужно. Он совершенно забыл про свой фартук, и, когда он носился по дому, фартук развевался у него за спиной. Диана сказала, что боялась умереть со смеху. Еще он сказал, что вообще-то умеет готовить пирог, что привык к этому, а потом спросил про наш подписной лист и дал четыре доллара. Так что, как видишь, наши труды были вознаграждены. Но даже если бы он не дал ни цента, я все равно бы считала, что сделала доброе христианское дело тем, что помогла ему. Следующей остановкой был дом Теодора Уайта. Ни Энни, ни Диана никогда не заходили в этот дом, и обе были весьма поверхностно знакомы с женой Теодора Уайта, которая не отличалась гостеприимством. В момент, когда девушки шепотом совещались, через какой вход входить парадный или черный в парадной двери показалась миссис Уайт с кипой газет в руках. Она аккуратно разложила их на пороге, ступеньках и на земле вплоть до ног странных посетителей. Будьте так добры, вытрите ноги о траву, а затем пройдите по газетам, с беспокойством в

голосе произнесла женщина. Я только что вымела весь дом и не хотела бы, чтобы в дом занесли пыль. А то после вчерашнего дождя дороги сейчас такие грязные.

– Смотри не вздумай смеяться, – шепотом предупредила Энни подругу, когда они ступили по газетам. – И умоляю тебя, Диана, не смотри на меня, что бы она ни сказала, иначе мне трудно будет сохранить серьезное лицо.

Дорожка из газет вела через переднюю в гостиную, чистую до предела. Энни и Диана робко присели и стали объяснять цель своего визита. Миссис Уайт вежливо выслушала их, заставив их прервать повествование лишь пару раз в первый раз, чтобы прогнать надоедливую муху, а во второй подобрать травинку, упавшую на ковер с платья Энни, от чего Энни почувствовала себя бесконечно виноватой. Но миссис Уайт подписалась на два доллара и сразу же выложила их «чтобы мы больше не ходили и не топтали ее полы», пояснила позже, когда подруги уходили, Диана. Не успели девушки отвязать лошадь, как миссис Уайт уже подобрала газеты, а когда они выезжали со двора, то увидели, как она сосредоточенно орудует метлой в передней.

– Я давно слышала, что жена Теодора Уайта самая чистюля из всех живущих на земле женщин, а теперь я в это окончательно поверила, – сказала Диана, дав волю смеху, который она старательно сдерживала, пока не отъехали на приличное расстояние.

– Я рада, что у нее нет детей, – с серьезным видом произнесла Энни. – Представляю, как бы им досталось тут.

В доме Спенсеров миссис Изабелла Спенсер также доставила им несколько неприятных минут, излив желчь на каждого жителя Эвонли. Мистер Томас Бултер отказался дать им деньги по той причине, что для здания магистрата, построенного двадцать лет назад, выбрали не то место, которое рекомендовал он. Миссис Эстер Белл, вся пышущая здоровьем, целых полчаса выпрашивала что да как, а потом с печальным видом выложила пятьдесят центов и пояснила, что больше не дает, поскольку ей не придется жить в Эвонли предстоящий год до конца, так как ее ждет могила.

Наихудший прием их, однако, ждал в доме Саймона Флетчера. Когда подруги въехали во двор, в окне рядом со входом они увидели два лица, явно наблюдавших за ними. Но как они ни стучали, как терпеливо ни ждали у порога, к двери так никто и не подошел. Девушек просто проигнорировали, и, возмущенные, они уехали со двора Саймона Флетчера. Даже Энни призналась, что начинает терять веру. Но потом этого волна повернула в другую сторону. Пошли несколько домов Слоунов, и здесь они собрали щедрый урожай, а затем и до самого конца все шло хорошо. С одним исключением. Последним местом визита оказался дом Роберта Диксона у моста через запруду. Здесь они остались выпить чаю, хотя уже были на подъезде к своим домам, лишь ради того, чтобы не обижать миссис Диксон, которая имела репутацию весьма обидчивой женщины.

Когда они сидели за столом, вошла старая миссис Уайт, жена Джеймса Уайта.

– Я только что от Лоренцо, объявила она. Сейчас это самый счастливый человек в Эвонли. А почему, как вы думаете? Там мальчик родился. После семи девочек это, я вам скажу, то еще событие.

Энни наострила уши, а когда подруги уезжали, заявила:

– Еду напрямик к Лоренцо Уайту.

– Но он же живет у дороги в Белые Пески и это в стороне от нашей дороги, – запротестовала Диана. – Там собирают Гилберт и Фред, он его и охватят.

– Они там очутятся не раньше субботы, а к тому времени будет уже слишком поздно, – твердо сказала Энни. – Новизна события пропадет. Лоренцо Уайт – ужасный скряга, но сейчас он даст деньги на что угодно. Такой золотой шанс упускать нельзя, Диана.

Результат оправдал предсказания Энни. Мистер Уайт встретил их во дворе, сияя, как солнце в пасхальный день. Когда Энни сказала ему насчет подписки, он с восторгом принял идею:

– Конечно, конечно! Значит, запишите меня на доллар больше самой большой суммы, которая у вас записана.

– Это будет пять долларов: мистер Дэниел Блейр внес четыре доллара, – пролепетала Энни чуть ли не в испуге.

Но Лоренцо и бровью не повел.

– Пять так пять. Вот вам пять долларов. А теперь я прошу вас пройти в дом. Там есть на что взглянуть. Лишь немногие эту успели посмотреть. Прошу пройти и высказаться.

– А что говорить, если ребенок некрасивый? – шепотом спросила Диана у Энни, когда они входили в дом следом за взволнованным Лоренцо.

– Все равно найдется что-то хорошее, о чем можно будет сказать, – не задумываясь ответила Энни. Дети есть дети.

Ребенок был, однако, очень миленький, и мистер Уайт радовался, что не зря потратил свои пять долларов, когда слышал, как девушки честно восхищаются пухленьким новым пришельцем в этот мир. Но это был первый, последний и единственный раз, когда Лоренцо Уайт давал деньги на что-нибудь.

Энни, вконец уставшая, сделала этим же вечером еще одну попытку собрать деньги на общественные нужды и отправилась через поле к мистеру Харрисону, который, как обычно, сидел на веранде и раскуривал свою трубку рядом с Рыжим. Если говорить строго, его дом стоял на дороге в Кармоди, но Джейн и Герти, которые лично его не знали, а были лишь в курсе ходивших вокруг него слухов, попросили Энни, нервничая из-за боязни отказа, зайти к нему и подписать его.

Мистер Харрисон, однако, наотрез отказался дать хотя бы цент, и все попытки Энни оказались тщетными.

– Но мне думалось, что вы выражали одобрение нашему обществу, мистер Харрисон, озадаченно промолвила она.

– Я да... высказывал... но мое одобрение не настолько глубоко, как мой карман, Энни.

– Еще несколько таких впечатлений, какие я получила сегодня, и я сделаюсь такой же пессимисткой, как Элиза Эндрюс, – вслух поделилась Энни мыслями со своим зеркалом, ложась спать.

Глава 7

В делах

Стоял мягкий октябрьский вечер. Энни откинулась на спинку стула и вздохнула. Она сидела за столом, заваленном учебниками и тетрадками, но плотно исписанные листки бумаги, лежавшие перед ней, не имели никакого отношения к школьным делам.

– В чем дело? – спросил Гилберт, который вошел в открытую дверь кухни как раз вовремя и услышал вздох.

Энни покраснела и стала торопливо убирать листки бумаги под школьные тетрадки, чтобы Гилберт их не увидел.

– Ничего страшного. Просто я пытаюсь записывать некоторые свои мысли, как это советовал профессор Хэмилтон, но они мне самой не нравятся. Они мне кажутся какими-то неуклюжими, дурацкими, как только ложатся на бумагу. Плоды воображения они как тени, их невозможно заключить в клетку, они такие непослушные, своенравные. Но если я не остановлюсь, то когда-нибудь овладею их секретами. У меня, сам знаешь, не так много свободного времени. Пока не кончишь проверять школьные тетрадки, разве можно браться за собственные записки?

– В школе у тебя дела идут блестяще, Энни. Все дети любят тебя, – сказал Гилберт, присаживаясь на каменную ступеньку.

– Нет, не все. Энтони Пай, например, просто не хочет любить меня. Хуже того, он не уважает меня не уважает, и все тут. Да он попросту презирает меня, и могу тебе искренне признаться, это меня очень беспокоит. Дело не в том, что он настолько плохой. Он просто озорной, но не больше, чем некоторые другие. Он редко не слушается меня, но подчиняется мне с таким презрительным видом, словно делает одолжение, словно ему неохота спорить со мной. Его поведение оказывает отрицательный эффект на других. Я всячески пыталась завоевать его расположение, но, боюсь, мне никогда это не удастся. А хочется, потому что он довольно-таки сообразительный мальчишка, раз он Пай, и мне хотелось бы полюбить его если он мне позволит.

– Возможно, это результат того, что он слышит дома.

– Не обязательно. Энтони довольно независимый мальчуган и имеет собственное мнение о вещах. У него все время до этого учителями были мужчины, и женщин он считает плохими учителями. Ну что ж, посмотрим, чего можно добиться терпением и добротой. Мне нравится преодолевать трудности, и учительство очень интересная работа. Но Пол Ирвинг возмещает мне все то, чего недостает от других. Какой же это чудесный ребенок, Гилберт, и к тому же гениальный. Я пришла к выводу, что мир когда-нибудь услышит о нем, – убежденным тоном закончила Энни.

– Мне тоже нравится преподавать, – сказал Гилберт. – Это хорошая учеба и для самого себя. Ты знаешь, Энни, за те недели, что я преподаю в Белых Песках, я узнал больше, чем за все годы собственной учебы в школе. Мы все, как будто, неплохо идем. В Ньюбридже Джейн любят, как я слышал, и, я думаю, в Белых Песках вполне терпимо относятся к услугам вашего покорного слуги все, кроме Эндрю Спенсера. По дороге домой я встретил вчера вечером жену Питера Блюэтта, и она сказала мне, что считает своим долгом сообщить мне: мистер Спенсер не одобряет моих методов.

– А ты никогда не замечал, – задумчиво произнесла Энни, что когда люди говорят, будто считают своим долгом сказать тебе кое-что, то тут пахнет чем-то другим? Почему они не считают своим долгом сообщить тебе нечто приятное из того, что слышали о тебе? Вот тут миссис Доннелл, – Энни подчеркнуто сделала ударение на последнем слоге, – снова зашла в

школу и сказала мне, что считает своим долгом проинформировать меня, будто миссис Эндрюс, жена Хармона, не одобряет то, как я читаю детям сказки, а миссис Роджерсон считает, что Прилли медленно прибавляет в арифметике. Если бы Прилли поменьше тратила время на то, чтобы строить глазки мальчикам из-за своей грифельной доски, дела у нее пошли бы быстрее. Я уверена, что Джек Гиллис решает для нее задачки в классе, но поймать мне его на месте преступления мне всё никак не удастся.

– А удалось тебе примирить многообещающего сына миссис Доннелл, – Гилберт сделал ударение на втором слоге, – с его святым именем?

– Да, – рассмеялась Энни, – но задача оказалась не из легких. Вначале, когда я назвала его Сент-Клером, он и ухом не повел. Мне пришлось повторить это имя два или три раза, и тогда ребята начали толкать его, а он посмотрел на меня такими обиженными глазами, словно я назвала его Джоном или Чарли, а он на эти имена, мол, не откликается. И мне пришлось оставить его как-то вечером после занятий и по-доброму поговорить с ним. Я объяснила ему, что его мама хочет, чтобы я называла его Сент-Клером и я не могу поступать вопреки ее желанию. После моих объяснений он всё понял он очень сообразительный мальчик и сказал, что вот мне можно называть его Сент-Клером, а если его так попытается назвать кто-то из ребят, то он тому «мозги вышибет». Конечно, я ему выговорила за такие выражения. Но с тех пор я зову его Сент-Клером, а ребята Джейком, и всё идет гладко. Он рассказал мне, что хочет быть плотником, а его мамаша говорит мне, чтобы я ориентировала его на профессора колледжа.

Упоминание о колледже придало новое направление мыслям Гилберта, и оба некоторое время говорили о своих планах и чаяниях серьезно, открыто, с надеждой, как это делают молодые люди, когда будущее у них непроторенная тропинка, полная чудесных неожиданностей. Гилберт наконец пришел к выводу, что хочет быть врачом.

– Это чудесная профессия, – с восторгом говорил он. – Молодой человек должен пробивать себе дорогу в жизни. Ведь кто-то сказал же, что человек – это боевое животное. А я хочу воевать с болезнями, болями и невежеством, что тесно связано одно с другим. И я хочу взять на себя свою долю честной, настоящей работы в этом мире, Энни, добавить свою долю знаний к тем запасам, которые добрые люди начали создавать с истоков человеческого рода. Люди, которые жили до меня, сделали столько для меня, что я хочу выразить свою благодарность, сделав доброе людям, которые будут жить после меня. По-моему, только так мужчина может выполнить свои обязательства перед человечеством.

– А мне хотелось бы привнести побольше красоты в жизнь, – мечтательно поведала Энни. – Я не то чтобы хочу дать людям побольше знаний, хотя это и весьма благородная цель. Мне хочется, чтобы их жизнь стала приятнее именно благодаря мне, чтобы у них прибавилось маленьких радостей и счастливых мыслей, которых у них не было бы, если бы не родилась я.

– Мне кажется, ты достигаешь этой цели каждый день, – с восхищением глядя на Энни, заметил Гилберт.

И он был прав. Энни родилась, чтобы нести людям свет и тепло. Идя по жизни, она дарила улыбку или доброе слово, и люди воспринимали это как лучик солнца, блеснувший им хотя бы на момент, такой ласковый, несущий надежду и добрую весть.

Наконец Гилберт нехотя поднялся.

– Ну, мне пора идти к Макферсонам. Из Куинса сегодня на воскресенье приехал Муди Спэрджен, и он должен привести мне оттуда одну книгу, которую мне дает на время профессор Бойд.

– А мне надо приготовить Марилле чай. Она ушла проведать миссис Кит и скоро вернется.

К приходу Мариллы чай был готов, весело потрескивал огонь, стол украсила ваза с папоротниками, как бы подернутыми инеем, и рубиновыми кленовыми листьями, в комнате стоял

аппетитный запах ветчины и жареных хлебцев. Но Марилла опустилась на стул с глубоким вздохом.

– Что, с глазами что-нибудь? Или голова болит? – озабоченно поинтересовалась Энни.

– Нет, я только устала и обеспокоена. Насчет Мэри и детей. Мэри стало хуже, она долго не протянет. Что станет с двойняшками даже не знаю.

– А от их дяди что-нибудь слышно?

– Да, Мэри получила от него письмо. Он работает на лесозаготовках и «пристроился в одном месте» не знаю, что он точно имеет в виду. Во всяком случае, как он пишет, детей до весны взять не сможет. Он собирается жениться, у него будет дом, и тогда он сможет забрать туда детей. Пишет, что Мэри надо найти каких-то соседей, которые взяли бы детей на зиму. А Мэри говорит, что ей невысказанно просить кого-либо из соседей. У нее ведь всегда были не слишком хорошие отношения с соседями по Восточному Графону, это факт. Короче говоря, Энни, я уверена, что Мэри хочет, чтобы я забрала детей. Она ничего не говорила, но это было видно.

– Ой! – Энни всплеснула руками, задрожав от возбуждения. – Конечно, возьми, Марилла. Возьмешь?

– Я еще не решила, ответила Марилла несколько резко. Я не бросаюсь куда ни попало очертя голову, как ты, Энни. Какое-то четвероюродное родство – это слабое основание для такой просьбы. А ответственность огромная – присматривать за двумя детьми шести лет, да еще и двойняшками.

Марилла считала, что двойняшки в два раза хуже простых детей.

– Двойняшки они очень интересные. По крайней мере, одна пара двойняшек, – сказала Энни. – Вот когда их две или три пары, то к ним можно привыкнуть. А по-моему, это будет очень развлекательным времяпрепровождением для тебя, пока я буду в школе.

– Не думаю, что развлекательным. Тут больше беспокойства и нервозности, чем развлечения, должна тебе сказать. Не страшно, если бы они были в том возрасте, в каком я взяла тебя. Против Доры я бы сильно не возражала, она, похоже, хорошая, спокойная. Но этот Дэви такой непослушный.

Энни любила детей, и у нее сердце болело за двойняшек. Воспоминания о собственном неустроенном детстве еще живы были в ее памяти. Энни знала, что единственным уязвимым местом у Мариллы является ее твердая приверженность исполнению того, что она считает своим долгом, и Энни мастерски строила свою аргументацию с учетом этого.

– Раз Дэви такой непослушный, так это лишнее основание взять его под крыло, чтобы он не оставался без должного воспитания, я правильно говорю, Марилла? Если мы не возьмем их, то неизвестно, кто возьмет и под каким влиянием они окажутся. Представь себе, что их возьмет мистер Спротт, ближайший сосед миссис Кит. Миссис Линд говорит, что Генри Спротт это такой невежда и богохульник, какого свет не видывал, а детям его ни одному их слову нельзя верить. Разве это не ужасно, если дети будут попадут к нему? Чему они научатся? Или представь, что они попадут к Уиггинсам. Миссис Линд говорит, что мистер Уиггинс тащит и продает всё из дома, что только можно продать, и вся его семья сидит на снятом молоке. Тебе же не захочется губить отношения с родственниками, какими бы дальними они ни были, правда? Мне кажется, Марилл, что наш долг взять их.

– Мне тоже, – согласилась Марилла. – Пожалуй, я скажу Мэри, что заберу их. Что это ты так обрадовалась, Энни? Ведь тебе от этого только прибавится работы, и еще сколько. Я из-за своих глаз не могу и стежка сделать, так что за одеждой придется следить тебе, и ремонтировать тоже. А ты не любительница шить.

– Да просто терпеть не могу, – спокойно ответила Энни. – Но если ты из чувства долга берешь этих детей к себе, то я из чувства долга буду обшивать их. Это воспитывает характер, когда люди делаю то, что им не нравится.

Глава 8

Марилла берет двойняшек

Миссис Рэйчел Линд сидела у кухонного окна и вязала одеяло, как это было и однажды вечером несколько лет назад, когда Мэтью Катберт спустился с горки вместе со «своей импортированной сироткой», как назвала тогда ребенка миссис Рэйчел. Но тогда дело было весной, а сейчас на дворе стояла осень, листва с деревьев облетела, растительность на полях высохла и побурела. За лесом к западу от Эвонли садилось солнце в торжественном пурпурно-золотистом закатном зареве. И тут на дороге, спускающейся под горку, показался кабриолет, запряженный в бурую лошадку. Миссис Рэйчел напрягла свое внимание.

– А, это Марилла едет с похорон, – сообщила она мужу, полулежавшему в кухонном шезлонге. Томас Линд в последнее время лежал больше, чем обычно, но миссис Рэйчел, остро замечавшая все, что происходит вне ее дома, пока этого не заметила. – И двойню с собой везет. Вон Дэви оперся на крыло и дергает пони за хвост, а Марилла одергивает Дэви. А Дора чинно этак сидит. Она всегда выглядит так, словно ее только что накрахмалили и погладили. Да, бедной Марилле достанется этой зимой, по горло будет забот. И все-таки в данной ситуации я не вижу для нее другого варианта, кроме как взять детишек. Энни ей поможет. Она так загорелась этим делом, к тому же она, надо сказать, так здорово умеет подходить к детям. Господи, мне кажется, саму-то Энни бедный Мэтью привез лишь вчера, и все посмеивались: разве, мол, Марилла сумеет воспитать ребенка. А теперь она берет двойню. Да, пока живешь, ты никогда не застрахован от сюрпризов судьбы.

Толстенький пони перебежал по мостику на дороге, ведущей из ложбины, где жила миссис Линд, в Зеленые Крыши. Лицо Мариллы было мрачным. От Восточного Графтона они проехали десять миль, а Дэви Кит всё не унимался и никак не мог усидеть на месте. Заставить его сидеть спокойно оказалось не по силам Марилле, и весь путь она волновалась, как бы Дэви не сломал себе шею, вывалившись из повозки на дорогу или даже под копыта пони. Дошло до того, что в отчаянии она пригрозила ему выпороть его, когда они приедут домой. После чего Дэви забрался к Марилле на колени, мешая ей держать поводья, обнял ее за шею своими пухлыми руками и по-медвежьи похлопал ее по спине.

– Я тебе не верю, – проговорил Дэви, целуя Мариллу в морщинистую щеку. – Ты совсем не похожа на леди, которая может побить ребенка из-за того, что ему не сидится на месте. Когда ты была в моем возрасте, ты разве могла усидеть на месте?

– Когда мне велели, я всегда сидела смирно, – ответила Марилла, пытаясь говорить строгим голосом, чувствуя, что тает при виде того, как ласкается к ней мальчик.

– А, я думаю это потому, что ты была девчонкой, – сказал Дэви, погладив Мариллу и сползая на свое место. – Ты же была когда-то девочкой, я думаю, хотя мне смешно, как представляю это. Дора может сидеть спокойно. Ну и что тут хорошего, не понимаю? Мне кажется, скучно это быть девчонкой. Эй, Дора, дай-ка я тебя оживлю немножко.

Его способ «оживлять» состоял в том, что он дергал Дору за волосы. Дора вскрикнула, а потом заплакала.

– Как тебе не стыдно вести себя так, да еще в день, когда умерла твоя мама – выговорила ему расстроенная Марилла.

– А она с радостью умерла, – доверительным тоном сообщил Марилле Дэви. – Я знаю, она мне сама говорила. Ей ужасно надоело болеть. Мы долго говорили с ней в ночь перед ее смертью. Она сказала мне, что ты возьмешь нас с Дорой и чтобы я слушался и был хорошим

мальчиком. Я и буду хорошим. Но разве нельзя быть хорошим мальчиком и при этом бегать, а не только сидеть? И еще она сказала, чтобы я всегда был добрым к Доре и защищал ее. И я буду.

– А дергать ее за волосы это что, такая твоя доброта?

– Зато я не дам никому другому дергать ее за волосы, – сказал Дэви, сжав при этом кулаки и нахмурясь, – Пусть кто попробует. Да я и не больно ей сделал, а заплакала она потому что девчонка. Я рад, что родился мальчиком, но жалко, что родился вдвоем. Вот когда сестра Джимми Спротта спорит с ним, он говорит ей: «Я старше тебя, и не спорь со мной». И он ставит ее на место. А я не могу сказать Доре этого, и она то и дело спорит со мной. А ты, можешь дать мне поправить лошадкой, я все-таки мужчина?

Настроение у Мариллы исправилось, когда они подъехали к дому. Во дворе осенний ветер гонял сухую листву. Энни стояла в воротах и встречала Мариллу с детьми. Она приняла детей на руки и спустила их на землю. Дора дала себя поцеловать, а вот Дэви ответил на приветствие Энни, крепко похлопав ее по плечу и весело представившись:

– Мистер Дэви Кит.

За ужином Дора вела себя за столом, как маленькая леди, манеры же Дэви оставляли желать лучшего.

– Я так проголодался, что мне сейчас не до манер, – ответил он Марилле, когда та сделала ему замечание. – Дора не проголодалась и вполтину того, что я. Я все время по дороге сюда что-то делал. Ух ты, а пирог-то какой красивый! А вкусный жуть! А дома мы давно-давно не ели пирог, потому что мама была очень больна, ей было не до пирогов, а миссис Спротт говорила, что она и так хлеб нам печет, на пироги времени нет. А миссис Уиггинс никогда не клала сливу в пирог. Ух, какой! А еще кусочек можно?

Марилла хотела отказать, но Энни отрезала и подала ему еще один кусок, да большой. Но при этом напомнила мальчику, что в таких случаях нужно говорить «спасибо». Дэви только ухмыльнулся в ответ и запустил зубы в пирог. Разделавшись с этим куском, Дэви заявил:

– Если бы ты дала мне еще кусочек, я сказал бы тебе «спасибо».

– Нет, ты и так уже много пирога съел, сказала Марилла тоном, каким выносила окончательное решение. Энни уже знала, что после этого спорить бесполезно, а Дэви еще предстояло узнать это.

Дэви подмигнул Энни, нагнулся и схватил пирог Доры, от которого та едва успела откусить крошечный кусочек, вырвав его прямо из рук девочки, раскрыл рот сколько мог и впихнул туда весь кусок. Губы Доры задрожали, а Марилла окаменела от ужаса. Энни тут же воскликнула установившимся тоном «классной дамы»:

– Ой, Дэви, джентльмены так не поступают.

– Знаю, что не поступают, произнес Дэви, как только у него появилась такая возможность. Но я не джельмен.

– И не хочешь быть? – спросила шокированная Энни.

– Конечно хочу. Но пока я не вырасту, я все равно не могу быть джельмен.

– Ну как же, можешь, – торопливо уверила его Энни, думая, что сейчас самое время посеять в душе Дэви семена добра. – Ты можешь начать быть джентльменом сызмала. А джентльмен никогда ничего не выхватывает у дам и не забывает поблагодарить. И за волосы никого не дергает.

– Скучно им, это точно, сделал вывод Дэви. Я подожду становиться джельменом, пока не вырасту.

Марилла безропотно отрезала Доре еще кусок пирога. Пока что она не знала, как совладать с Дэви. Этот день у нее выдался тяжелым и похоронный, и долгая дорога. В этот момент она глядела в будущее с таким пессимизмом, который сделал бы честь и самой Элизе Эндрюс.

Хотя и оба светловолосые, двойняшки не слишком сильно походили друг на друга. У Доры были прилизанные волнистые волосы, которые никогда нельзя было увидеть рассыпавшимися, у Дэви же голову покрывала россыпь золотистых непослушных колечек. Взгляд карих глаз Доры был спокойным и мягким, к Дэви там плясали чертенята. У Доры был прямой нос, у Дэви явно вздернутый. Дора несколько жеманно держала губки, а у Дэви они все время были в улыбке. К тому же на одной щеке у него появлялась ямка, а на другой ямки не было, и когда он улыбался, то выглядел мило и смешно, и обе стороны лица выглядели неодинаково. Озорство играло на всей его физиономии.

– Им пора идти спать, – сказала Марилла, которая посчитала, что это – лучший способ отдохнуть от детей. – Дора будет спать у меня, а Дэви ты положишь в западной части. Ты же не боишься спать один, а, Дэви?

– Нет. Только я не собираюсь ложиться спать так рано, – спокойно заявил Дэви.

– Нет, ляжешь.

Марилла произнесла это крайне утомленным голосом, но было в нем что-то такое, что заставило замолкнуть даже Дэви, и он послушно поплелся вверх по лестнице вместе с Энни.

– Когда я вырасту, первое, что я сделаю, это просижу всю ночь, чтобы посмотреть, что это такое, – доверительно поведал Энни мальчик.

Еще много лет Марилла не могла вспоминать без содрогания об этой первой неделе пребывания двойняшек в Зеленых Крышах. И дело не в том, что эта неделя была много тяжелее последовавших. Просто она показалась такой тяжелой в силу своей новизны. Если Дэви не спал, то он редко не бузотерил или не замышлял чего-нибудь. Но первая его запоминающаяся выходка состоялась через два дня после его приезда. Это имело место в воскресное утро. Выдался прекрасный теплый день, мягкий и слегка туманный, каким ему и положено быть в сентябре.

Энни придела мальчика к церкви, а Марилла занималась тем же с Дорой. Вначале Дэви никак не хотел умываться.

– Марилла вчера меня уже умывала, да еще в день похорон тоже, миссис Уиггинс так терла меня мылом! Сколько же можно за одну неделю! Такая чистота это же ужас, на кой мне это? Уж лучше ходить неумытым.

– Пол Ирвинг умывается каждый день, и никто его не заставляет, – назидательно заметила ему Энни.

К этому времени Дэви был жителем Зеленых Крыш третьи сутки, но уже боготворил Энни и ненавидел Пола Ирвинга, о котором он слышал восторженные похвалы из уст Энни с первого дня проживания на новом месте. Ладно, раз Пол Ирвинг моет свою физиономию каждый день, пусть так и будет. Он, Дэви Кит, тоже будет умываться каждый день, пусть даже это будет для него смертельным. Так же аккуратно удалось переменить его отношение и к другим деталям своего туалета, и в конечном итоге он превратился во вполне симпатичного мальчишку. И Энни чувствовала почти материнскую гордость, когда привела его в церковь на места, которые издавна были за Катбертами.

Дэви вначале вел себя вполне хорошо, незаметно занимаясь разглядыванием мальчишек, находившихся в пределах его обозрения и пытаясь отгадать, какой же из них Пол Ирвинг. Первые два гимна и отрывок из Священного Писания, которые читал мистер Аллен, прошли без происшествий.

Лоретта Уайт сидела перед Дэви, слегка склонив голову, ее длинные светлые волосы, заплетенные в две косы, свисали по сторонам, открывая милую белую шейку в кружевном воротничке. Лоретта была полной, спокойной девочкой восьми лет. Вела она себя в церкви безукоризненно с того первого дня, когда мать привела ее сюда, а было ей тогда шесть месяцев.

Дэви полез в карман и извлек оттуда... гусеницу, пушистую извивающуюся гусеницу. Марилла заметила это и сделала движение, чтобы схватить Дэви за руку, но опоздала Дэви успел бросить гусеницу за шиворот Лоретте.

И вот в разгар слов молитвы, читаемой мистером Алленом, раздались пронзительные крики. Священник остановился, побледнел и открыл глаза. Все головы в церкви дернулись вверх. Лоретта Уайт плясала на своей скамейке, пытаясь что-то нащупать у себя на спине.

– Ой, мама... мамочка... о-ой... сними... о-ой... достань же... ой... этот негодяй мальчишка бросил мне за шиворот... о-ой, мамочка... вниз опускается... ой... ой-ой-ой...

Миссис Уайт поднялась и с непроницаемым лицом вывела извивающуюся Лоретту из церкви. Когда ее крики удалились, мистер Аллен продолжил службу. Но все чувствовали, что день испорчен. Впервые в жизни Марилла не обращала внимания на слова, а Энни сидела подавленная, с полыхающими щеками.

Когда вернулись домой, Марилла поставила Дэви к кровати и велела стоять до конца дня. Обед он был лишен, Марилла принесла ему лишь хлеба с несладким чаем. Принесла еду Энни, она села рядом с ним и грустно смотрела на него, пока он без тени раскаяния уплетал хлеб и запивал его чаем. Печальные глаза Энни обеспокоили его.

– Я думаю, – задумчиво произнес он, – Пол Ирвинг не бросил бы за шиворот девочке гусеницу в церкви, да?

– Конечно, не бросил бы, – с досадой произнесла Энни.

– Тогда мне, как это сказать, жаль, что я сделал это, – поведал ей Дэви. – Но это была такая отличная, большая гусеница. Я подобрал ее на ступеньках церкви, когда мы поднимались туда. И мне подумалось: не пропадать же ей. А скажи, правда весело было, когда она подняла визг на всю церковь?

Во вторник во второй половине дня в дом Мариллы пришли члены благотворительного общества. Энни поторопилась прибежать пораньше из школы, потому что знала, что Марилле потребуется ее помощь. Дора, чистенькая и опрятная, в красивом накрахмаленном платье с черным поясом, сидела в общей зале за столом вместе с членами общества, скромно отвечая, когда к ней обращались, и храня вежливое молчание, когда ей не требовалось говорить в общем, вела себя, как образцовый ребенок. А Дэви, грязный с головы до пят, лепил куличики из грязи во дворе.

Я разрешила ему, – со вздохом сообщила Марилла. – Пусть лучше там занимается своими делами, а то натворит что-нибудь похлеще. А так он только вымажется и всё. Мы вначале закончим чай, а потом позовем его. Дора может попить с нами, но Дэви я никогда не рискну посадить за один стол с такими людьми.

Когда Энни вошла в общую залу звать членов общества к чайному столу, Дора она там не обнаружила. Тогда Энни с Мариллой, наскоро посоветовавшись на кухне, решили напоить чаем обоих детей вместе, но позже.

Когда чай уже подходил к концу, в комнате появилось какое-то ужасное существо. Марилла с Энни замерли в ужасе, члены общества в изумлении. Неужели это была Дора плачущая, в неопишимо грязном и мокром платье, с мокрыми волосами, с которых на новый, в кружочках, ковер Мариллы стекала вода?

– Дора, что с тобой произошло? – воскликнула Энни, виновато глядя на мистера Джаспера Белла, про которого говорили, что в его семействе никогда ничего плохого не случается.

– Дэви завел меня в свинарник, захлебываясь слезами, начала рассказывать Дора. Пройди, говорит, по заборчику. Я не хотела, а он стал обзывать меня трусливой кошкой. Ну, я и пошла, и упала к свиньям, сразу испачкалась вся, а мне еще и свиньи добавили. Я была такая

грязная, а Дэви говорит: встань, я из насоса тебя отмою. Я встала, и он окатил меня водой. Платье чище не стало, а пояс и туфли я совсем испортила.

Энни одна представляла дом за столом, а Марилла пошла наверх и до конца угощения занималась переодеванием Доры в ее старые одежды. Дэви наказали, оставив без ужина. В сумерки Энни пошла к нему в комнату и завела с ним серьезный разговор. Она очень верила в силу этого метода, не совсем провалившийся в ее практике. Она сообщила ему, что чувствует себя крайне скверно из-за его поведения.

– Мне теперь и самому жалко, – признался Дэви. – Только плохо то, что я никогда не жалею о том, что сделал, пока не сделаю этого. Дора не хотела помогать мне лепить куличи, потому что боялась испачкать платье, ну, я и разозлился на нее. Я думаю, Пол Ирвинг никогда не стал бы подбивать свою сестру пройти по заборчику в свинарнике, если бы знал, что она упадет?

– Нет, ему и в голову такое никогда не пришло бы. Пол это истинный маленький джентльмен.

Дэви прищурил глаз, похоже, размышляя о чем-то. Затем потянулся к Энни и обнял ее за шею, уткнувшись пылающим личиком в ее плечо.

– Энни, а ты меня хоть сколько любишь, даже если я и непохож на Пола?

– Конечно люблю, – искренним тоном произнесла Энни. Как бы то ни было, не любить Дэви было невозможно. – Но я любила бы тебя еще больше, если бы ты не был таким озорным.

– Я... я еще кое-что натворил сегодня, пробурчал Дэви, по-прежнему пряча лицо на плече Энни. Мне так жалко, но я очень боялся сказать тебе. Ты не очень рассердишься на меня, а? А Марилле не скажешь, а?

– Не знаю, Дэви. Скорее всего, я должна сказать ей. Но, думаю, могу и не сказать, если ты пообещаешь мне больше не делать этого, что бы ты там ни натворил.

– Нет, я больше не буду. Я все равно больше не поймаю их в этом году. Я нашел ее на ступеньках в погребе.

– Дэви, да что ты такое сделал?

– Положил жабу в кровать Мариллы. Можешь пойти и достать ее оттуда, если хочешь. Но скажи честно, Энни, вот будет смеху, если оставить ее там!

Дэви Кит! Энни аж выскочила из объятий Дэви и бросилась по направлению в комнату Мариллы.

Видно было, что кровать трогали. Она нервно, рывком откинула одеяло и увидела вправдашнюю жабу, смотревшую на нее из-под подушки.

– Как же мне вынести эту тварь отсюда? – взмолилась вслух Энни.

Взгляд ее упал на совок для печи. Самое то. Марилла сейчас на кухне. Энни с трудом вынесла жабу, так как она трижды по дороге выпрыгивала из совка и Энни приходилось искать ее, а один раз она уже решила, что потеряла ее. Когда Энни наконец бросила жабу под вишни, то глубоко облегченно вздохнула.

«Если бы Марилла знала, что теперь ей не суждено чувствовать себя в безопасности в своей постели. Я так рада, что этот юный грешник вовремя раскаялся. А вон Диана сигналит мне из своего окна. Это хорошо, мне надо хоть немного отвлечься, а то в школе Энтони Пай, дома Дэви Кит, мои нервы в один день большего не выдержат».

Глава 9

Проблема цвета

Эта старая надоедливая Рэйчел Линд опять приходила ко мне сегодня, уговаривая меня пожертвовать на покупку ковра в церковь, – рассерженно сообщил Энни мистер Харрисон. – Терпеть не могу эту женщину как никакую другую. Голова болит от ее болтовни!

Энни, устроившись на краю веранды, радовалась серым ноябрьским сумеркам, нежному западному ветру, веявшему над свежевспаханнами полями и наигрывавшему в пригнувшихся к земле еловых ветвях сада приятную мелодию, и мечтательно склонила голову на плечо.

– Проблема в том, что вы с миссис Линд не понимаете друг друга, – объясняла Энни. Когда люди не нравятся друг другу, так оно вечно и выходит. Я тоже поначалу не любила миссис Линд, но как только начала понимать ее, она мне стала нравится.

– Может, кому-то миссис Линд и по вкусу, но я не собираюсь есть бананы только из-за того, что мне говорят, что если я их буду есть, то они мне начнут нравиться, – пробурчал мистер Харрисон. – А насчет понять ее, я понимаю, что она лезет не в свои дела, я ей так и сказал.

– О, этим вы, должно быть, очень обидели ее, – осуждающе сказала Энни. – Как вы могли сказать такое? Давным-давно у меня тоже было, я говорила миссис Линд неприятные вещи, но это случалось тогда, когда я теряла контроль над собой. А намеренно нет, я не смогла бы такое сказать.

– Но это правда, а правду, я считаю, надо говорить любому.

– Но вы не говорите всей правды, – возразила Энни. – Вы только говорите только неприятную для человека часть правды. Вот вы мне сколько раз говорили, что у меня рыжие волосы, но ни разу не сказали, что у меня красивый нос.

– Осмелюсь сказать, вы и без моих напоминаний сами об этом прекрасно знаете, – усмехнулся мистер Харрисон.

– Так я знаю и о том, что у меня рыжие волосы хотя они и потемнели по сравнению с прошлым, так что вам нет необходимости напоминать мне об этом.

– Хорошо, хорошо, я постараюсь больше не напоминать вам об этом, раз вы так чувствительны к этому. Вы должны извинить меня, Энни. У меня привычка такая – всё тянет на откровенность, и людям не следует обращать на это внимания.

– Да как же им не обращать внимания? И что значит «у меня такая привычка»? Вот представьте себе человека, который ходит с булавкой, укалывает людей и при этом говорит им: «Извините, не обращайтесь внимания, у меня такая привычка». Вы ведь подумаете, что он ненормальный, верно? Может, есть это в миссис Линд влезать в чужие дела. Ну а почему вы не сказали ей, что у нее очень доброе сердце и что она всегда помогает бедным? И что она не сказала ни слова, когда Тимоти Коттон украл у нее кувшин сливочного масла собственного производства, а его жене сказала, что он купил у нее, а миссис Коттон принесла ей масло обратно и сказала, что от него сильно отдает репой, а миссис Линд извинилась перед ней, что масло получилось таким неважным?

– Я думаю, есть у нее кое-какие положительные качества, – неохотно согласился мистер Харрисон. – У большинства людей есть. И у меня кое-что есть, хотя вы этого, может быть, не подозреваете. Но, во всяком случае, я не собираюсь давать на этот ковер. У меня создается впечатление, что здесь люди только и делают, что кланчат деньги. А как продвигается ваша затея с покраской магистрата?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.